

Г.С. Эрдели

МОЯ ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ

Воронеж-2013

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Страшное время – война... Война навсегда остаётся с человеком, пережившим её, она становится глубокой памятью о человеческой трагедии.

Книга Галины Сергеевны поддерживает вечный огонь в Эстафете Памяти о Великой Отечественной войне, которая передаётся из поколений в поколения, детям, внукам, правнукам...

Никто не должен быть забыт, ничто не может быть забыто во имя будущего, ради которого, не сомневаясь, отдавали свои жизни миллионы людей. Эстафета Памяти – живая нить между ушедшими и теми, кто идёт, и будет идти вперёд по непрерывающейся, вечной жизненной тропе.

Компьютерное оформление – Силкина Т.Б.

Художественное оформление – Силкина Т.Б., Эрдели Г.С., Интернет

© Эрдели Г.С.

Эрдели Галина Сергеевна – Моя военная юность.

Сведения об авторе

Эрдели Галина Сергеевна родилась в Воронеже 22 декабря 1926 года, кандидат биологических наук, доцент, участница Великой Отечественной войны.

В 1947 году окончила сельскохозяйственный техникум в ст. Славянской Краснодарского края, по специальности – агроном-плодоовощевод. В 1949 году поступила учиться на биолого-почвенный факультет ВГУ. После его окончания работала на Областной станции юннатов, а с 1958 года – в университете: садовником, лаборантом, преподавателем, доцентом кафедры физиологии и биохимии растений. Изучала действие регуляторов роста на растения, в том числе более 20 лет совместно с учёными университета г. Галле, Германия.

Издательством ВГУ выпущены воспоминания о военном времени: «Прошлое всегда рядом», о работе в университете: «Люди и растения в моей жизни», первое издание миниатюр: «Запахи земли», научно-популярные книги о растениях и другие. Некоторые произведения представлены в электронном виде и выставлены на сайте профкома сотрудников ВГУ: <http://www.vsu.ru/dept/prce/>.

ЛЮБОВЬ В НАСЛЕДСТВО

Удивительно. За долгие годы знакомства с Галиной Сергеевной Эрдели, казалось, что известно мне о ней многое – её устные рассказы о прожитом и пережитом, прочитаны книги-воспоминания. И вот к изданию подготовлены очередные страницы. Как было уведомлено – дополнение к уже написанному и опубликованному.

Да... Та же канва повествования, те же дороги войны, но есть штрихи, те «детали», которые преобразовали, углубили и художественно усилили мысль, ради которой автор совершил «возвращение» к былому.

И совсем не про войну эта тоненькая книжечка. Читал и перечитывал. Возможно, что и с вами подобное случится – иная фраза так тронет, что за ней выстроится в воображении и памяти прямо-таки полотно бытия, по законам которого надо стремиться жить...

Началась война... Важное осталось и передалось – детское восприятие. Не страшно – просто интересно. Впечатление, что пишет не человек, которому под девяносто, а ребёнок, открывающий мир нам и себе. Сказано: «Будьте, как дети». Сказано-то сказано, да не всякому даётся пожизненно детьми БЫТЬ.

Написанное сходно с тем, что выходит в серии «Мои первые книжки» – простота, ясность. Только это не книжечка для малышей – для любого возраста. Потому что она – про любовь.

Галочку любят, она любит весь мир. Люди так схожи с любимыми папой, мамой, бабушкой... Мало кто знает, но в начале войны в школьную программу был введён курс «Сельское хозяйство». Объяснение простое: только знание мира природы, умение выращивать овощи, зерновые, обрабатывать их поможет тебя, горожанина, спасти в экстремальной ситуации. Блокада Ленинграда показала – не всякий городской житель знает, какое растение во спасение...

Детей посылают на сельхозработы – в полях катастрофически не хватает рабочих рук. Девчонка приписывает себе год и определяется на службу к родному отцу – в батальон, где в порядке эксперимента создали посты регулировщиков движения из девчат.

Там, на фронте Галя Ржаницына от парня, который, по-видимому, к ней был не равнодушен, получает переписку Пушкина с Натали: «Люблю тебя, мой ангел. Но ещё больше люблю твою душу...»

С удивлением замечает: «Я, кажется, начинаю кому-то нравиться...» Мимолётная встреча с Николаем Скобелевым. Запомнилось: рассуждал о том, что сейчас, во время войны, в каждом из нас должно быть больше суровости. А закончится война, человек поистратит свою суровость и останется в нём одно – проявление безграничной нежности.

Сколько много дают строчки о встрече с Андреем Васнецовым, девятнадцатилетним племянником гениального русского художника Виктора Васнецова-

ва. Он, талантливый живописец, будущий лауреат Государственной премии, остался в памяти выживших тем, что прекрасно оформлял дорожные указатели...

Смоленщина, Белоруссия... Прошла по двум из тех 400 сёл и деревень, в которых фашисты заживо сжигали женщин, стариков, детей... Слушала о том, как семья спасла от расстрела еврейского мальчика, не испугавшись того, что за это поплатятся своими жизнями...

За всю войну не слышала мата, ни разу не встретила пьяного... Разумеется, всё это было, но – проходило мимо. Взрослые люди хранили в юных душах ощущение святости от дарованной им жизни...

...С образованием в семь классов автор после войны начинает жадно учиться и одновременно трудиться. Мечта одна, зарождённая в детстве – стать биологом. Для кого-то годы военные и послевоенные стали «потерянными», но любознательная и доверчивая девушка только обрела, обрела жизненный опыт, багаж знаний и её, известного исследователя-экспериментатора, знали не только в научном мире СССР – ценили немецкие учёные в ГДР. Кто бы что ни говорил о советском строе и «извечном» противостоянии немца и русского – письма, которые получала Г.С. Эрдели от учёных восточной Германии, свидетельствуют, что наша «перестройка» лишила многого, очень много доброго, что получил немецкий народ от дружбы с Советским Союзом. Победители не только судили, но и проявили любовь, прощение тем, кто был обманут гитлеровской пропагандой.

«Перестройка»... Любимая поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина, пережившая рукопашный, не выдержала унижения и позора, в которые была опущена Россия «новыми хозяевами», предателями – покончила жизнь самоубийством.

Поэзия времени и трагедия безвременья, смуты. Первый танец сержанта Ржаницыной, как первый бал Наташи Ростовской. С той лишь разницей: элегантный, обученный хорошим манерам юный боец, удивился, что она ... не умеет танцевать и философски произнёс: «Вы не знаете половину радости жизни...»

Большая жизнь за плечами. Дети, внуки, правнуки – поймут ли и поверят, что настоящие радость и счастье обретаются не на балах, даже не на нынешних дискотеках... Научиться жадно жить и жизнь любить. Это далеко не ново – от века заповедано. Сумей каждый прожить и заповедь не нарушить – за такое наследство вечно будет благодарен мир спасённый и каждый, в нём проживающий.

Эдуард Ефремов,

журналист.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Страшное время – война... Оно означает бессмысленные разрушения населённых пунктов, жизней, судеб миллионов людей... Война наносит серьёзную травму не только физическому телу, но, и это ещё ужаснее, душе и сознанию человека. Эту травму практически невозможно залечить. Война остаётся маленьким осколком снаряда, застрявшим в груди и не поддающимся извлечению. Он вроде уже и не опасен для жизни, но регулярно напоминает о себе ноющей, саднящей болью. Война навсегда остаётся с человеком, пережившим её, она становится глубокой памятью о человеческой трагедии.

Нужно ли, да и можно ли забыть пережитое страшное военное время?! Нельзя, да и невозможно! Это подтверждает очередная книга Галины Сергеевны Эрдели «Моя военная юность». *«О Великой Отечественной войне написано много. Я тоже рассказывала про войну и военное время. Но такое уж оно было особенное, что многое осталось, как говорится, "за кадром"».*

Память вынуждает возвращаться к ставшим уже давно историческим событиям времен Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Снова и снова вспоминаются имена, лица, события военного периода жизни. Год, два, три... Казалось бы, нет конца этой отвратительной войне... А люди продолжают верить и надеяться, что война скоро-скоро кончится, и уж тогда заживут они прекрасной, мирной, полноценной, интересной жизнью. *«Правда, надо сказать, сомнения в исходе войны были редкими. Верили, что победим. В нашей семье и среди знакомых, все говорили только о времени победы, когда она будет, а что она придёт, не сомневались».*

Что заставляло людей верить и надеяться на скорую и неизбежную победу?! Ответ прост, Галина Сергеевна даёт его в своей книге. Конечно же, это любовь! Любовь в самом высоком смысле, в самом широком её понимании. Любовь – всеобъемлющая и всепобеждающая сила жизни, она и есть основополагающий смысл самой жизни. Любовь к Родине, к окружающей природе, человека к человеку, любовь между мужчиной и женщиной, матерью и ребенком, сестрами, братьями, друзьями, просто близкими и неблизкими людьми... Любовь выражается в разных её проявлениях – в заботе, поддержке, взаимопомощи, в способности жертвовать собой ради счастья и благополучия других и во многом другом...

Любовь давала силы, веру, надежду на спасение и на будущее, она вдохновляла на победу, позволяла делиться последними крохами, помогала выстоять в самых невероятных и жесточайших ситуациях. *«Вспоминаю прошлое...*

Было трудно – война. Восстановление разрушенного... Но наша жизнь была наполнена высоким смыслом». «Ужас пережитого, горечь потерь, и всё-таки, несмотря ни на что – страстное желание и радость жизни!»

Горько и больно читать, как погибали те, кто был рядом, кто также как и Галина Сергеевна, мечтали дожить до победы. Но... *«Как складывается жизнь, многое зависит не только от нас самих... Пришла война – время испытаний суровых. На прочность сил и физических, и моральных».* К сожалению, не всем посчастливилось дожить до дня Великой Победы... Но каждый из погибших знал, – не зря они отдадут свои жизни.

Жизнь продолжается... И дело чести тех, кто остался жив, – рассказать о каждом, кто был рядом с ними, кто вносил свой посильный вклад во всеобщую Победу. Каждый вспомнившийся эпизод, любая деталь обязательно должны быть запечатлены в памяти как частица наследства для будущих поколений. Пусть кого-то уже нет, но они были, и они останутся навсегда в нашей памяти.

Галина Сергеевна отдаёт дань всем ушедшим, она говорит им: *«Вы всегда в моей памяти...».* Но одновременно она обращается и к будущему поколению с верой и надеждой, – им предстоит продолжить начатое и возродить Россию великой и несокрушимой.

«Отсюда, из памяти о наших победах в Великой Отечественной войне, я верю, – начнётся возрождение России. Нам было трудно, но мы выстояли и победили! У вас другие трудности нужны новые герои, новые победы.

Молодёжь! Страна, Эстафета Памяти ждёт...»

Своими воспоминаниями Галина Сергеевна поддерживает вечный огонь в Эстафете Памяти о Великой Отечественной войне, этот огонь будет передаваться из поколений в поколения, детям, внукам, правнукам...

Никто не должен быть забыт, ничто не может быть забыто во имя будущего, ради него, не сомневаясь, отдавали свои жизни миллионы людей.

Эстафета Памяти – живая нить между ушедшими и теми, кто идёт, и будет идти вперёд по непрерывающейся, вечной жизненной тропе.

Татьяна Силкина

МОЯ ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ

О Великой Отечественной войне написано много. Я тоже рассказывала про войну и военное время [1, 2] (фото 1). Но такое уж оно было особенное, что многое осталось, как говорится, «за кадром».

Я бы и не стала больше писать, но мой друг, герой афганской войны, считает, что рассказала ещё не всё.

Постараюсь выполнить его пожелание и передать ощущение времени, которое невозможно забыть, и которое разделило жизнь людей того поколения на «до» и «после» войны. У меня это совпало с переходом из детства во взрослую жизнь. Когда началась война, мне было 14 лет.

Фото. 1. Ржаницына
Галина

Сначала немного биографии. Родилась и выросла в Воронеже. Родители – служащие, брат 1932 года рождения, бабушке в 1941 году исполнился 81 год. Я писала о них подробно в книге «Детство» [2]. Жили мы на улице 27-го февраля (ныне – Пятницкая), улица – гора. Наш дом номер 50, – двор, – одноэтажные домики, 16 или 17 квартир. Часть их переоборудована из бывшей конюшни, различных служб. Большой подвал, в моё время поделённый между жителями. Наша квартира над подвалом, в бывшей прачечной (потому всегда сырая и холодная). Кирпичный дом бывшего владельца участка одноэтажный, окружён высокими деревьями клёна, вяза, лип.

Дом на самой высокой точке, со всех сторон – обрыв. За каменным забором с одной стороны, ниже метров на пять – городской Студенческий сад. По выходным, вечерами, под джазовый оркестр танцевали пары, а мы слушали музыку и любовались. А какое было наслаждение завернуться от вечерней прохлады в старые одеяла, и, лёжа на животе, с крыш сараев смотреть художественные фильмы! На открытой площадке, совсем рядом, и видно, и слышно прекрасно. Как неохотно откликались на зов родителей: «Галя! Ира! Домой! Пора спать». Иногда потихоньку забирались через забор...

С другой стороны внизу проходила улица Правая суковка. От нас хорошо виднелись по вечерам огоньки Левого берега. Так получилось, что жили в центре города (фото 2) – рядом проспект, – а у нас весной такой запах от листвы!

В Воронеже был прекрасный Дворец пионеров с множеством кружков, библиотекой. Я предпочитала библиотеку Дома

Фото 2. Кольцовский сквер

учителя (рядом с нами), ходила туда с семи лет – на год раньше, чем в школу. Запах старых книг люблю до сих пор.

Мы, с моей подругой Ирой, записались в хор при кинотеатре «Пионер». По субботам и воскресеньям выступали перед зрителями, в остальные дни – репетиции, перед вечерними сеансами мы – затейники, – проводили со зрителями игры.

Детство проходило спокойно и счастливо... Тревожное время не замечали, хотя в 1937 году арестовали моего деда – архиеерея Тамбовской епархии. От него перестали приходить письма. Мне ничего тогда не говорили. Судьбу деда узнали только через 12 лет. Коснулось время и жителей нашего двора, арестовали мужа Агафьи Михайловны. Помнится, соседи шёпотом переговаривались: «Нашли всё-таки жандарма...». Шепоток был недобрый, хотя к Агафье Михайловне относились хорошо. Надо сказать, жили дружно, не помню, чтобы случались ссоры.

А число погибших в том времени сильно преувеличено. Репрессии коснулись во много раз меньшее число людей, чем это стараются представить сейчас. Кроме того, потери были с обеих сторон. Никто не подсчитал, сколько погибло в двадцатые-тридцатые годы от рук кулаков и других противников советской власти! Недавно (январь 2013 г.) обнаружили захоронение в Богучарском районе Воронежской области – более трехсот человек – сторонников Советов. Погибло много и первых выпускников Воронежского университета, – учителей сельских школ.

«Вы слышите – война!!!»

22 июня 1941 г. Это был воскресный день. В то утро я готовилась к выступлению нашего хора – гладила форму, пионерский галстук. Хор стоял в два ряда за оркестром: белый верх, тёмный низ, красные галстуки...

У всех тогда работало радио, кажется, его выключали только когда ложились спать. Репродуктор висел рядом, и я обратила внимание на необычность тона диктора. Это было выступление Молотова о начале войны. Ещё не успела осознать, как во дворе закричали: «Война! Началась война!». В кухне заплакала бабушка.

Теперь вспоминаю, – голос был тревожный, но в нём не было страха. Бабушка заплакала, но продолжала готовить обед. Все мы знали, что война будет, её не хотели, но ждали. Я тоже не испугалась. Стало не страшно, скорее интересно. Сомнений в том, что победим, не было, только жалела, что молода, в армию не возьмут.

В начале июня руководителю нашего хора и оркестра, студенту музыкального училища, Серёже Ибраеву пришла повестка о призыве на военную службу. Но когда началась война, из-за массового призыва, его пока оставили дома. Очень многие сами пошли в военкомат. Народ, действительно, сразу же встал на защиту страны. Много девушек-добровольцев уходило на фронт. Мальчишки сбегали из дома, чтобы попасть на фронт.

Нам, подросткам, тоже хотелось что-то делать. Мы уговорили Серёжу добиться командировки на уборку урожая. И в июле нас отправили в колхоз, на юг тогда Воронежской области, в село Никитовку.

Встретили колхозники приветливо. Мужчин уже почти не было – ушли на фронт. Нам, жителям города, всё было интересно. Работу давали посильную, – ставили мокрые после дождя снопы просушивать, научились складывать их в «крестцы»...

В то время снопы связывали вручную. Мы попробовали. И узнали, – со стороны – красиво, но – как это тяжело!..

Мне больше всего понравилось помогать на молотилке. У жерла стоял опытный мужчина, было опасно, нам не доверили. Мы только подавали снопы – цепочкой. Нельзя задерживаться, все зависели друг от друга – как единый организм! Мне удалось несколько раз опустить сноп в молотилку – такая радость!

А какая вкусная полевая клубника поспела около речки!

Выписывали много продуктов – мяса, муки, мёда... Хозяйки готовили еду, пекли пампушечки... Далеко от железной дороги, мы не ощущали, что идёт война.

Возвращались домой в августе. И уже на станции заметили перемены. Мимо проходили эшелоны на фронт с танками, покрытыми чехлами, с бойцами...

В тыл шли товарные вагоны с людьми. На остановке в дороге, когда ждали встречного поезда, рядом стояла открытая платформа с эвакуированными. Среди них много детей, казалось, весело приветствовали нас, а мы кидали им в окно пампушечки, их напекли нам в дорогу хозяйки.

На вокзале увидели много беженцев. Про их трагедию я писала в книге «Прошлое всегда рядом» [3]. Эти люди бежали от врага в первые дни войны. Позже отъезд в тыл стал организованным. Те стали эвакуированными.

Когда приехала, папа уже был в армии – старший лейтенант. Командир роты регулирования Отдельного дорожно-эксплуатационного полка (ОДЭП). Командир полка полковник Мкртчян.

За прошедший месяц город изменился. Окна, как «перебинтованные», – наклеены крест на крест полоски бумаги: так уцелеют стёкла при взрывах. По вечерам затемнение. Появились, хоть и небольшие, очереди за продуктами. Сводки о состоянии военных дел тревожные. Появились люди, которые в исходе войны сомневались. В очередях как-то услышала: «Ну, и чего бояться? Немцы – народ культурный, плохо нам не будет». Первые же слухи об оккупантах миф развеяли. Беженцы рассказывали, как немцы вели себя в избах, с населением.

Правда, надо сказать, сомнения в исходе войны были редкими. Верили, что победим. В нашей семье и среди знакомых, все говорили только о времени победы, когда она будет, а что она придёт, не сомневались.

Первой же осенью в Воронеже началась плановая эвакуация завода и его работников в Куйбышев (Самару). Освобождались квартиры, а мы давно стояли на очереди. Нам дали трёхкомнатную квартиру на Студенческой улице.

Мощённый булыжником двор, без зелени, только под нашим окном во двор большой серебристый тополь...

Слышали, что в Москве тревожно – фронт приближался к столице. А у нас было спокойно. Город жил своей обычной жизнью. Работали школы, учреждения, театры, кино. У нас стоял штаб юго-западного фронта, потому часто выступал фронтовой красноармейский ансамбль. Художественный руководитель – Вирский. Они ездили с выступлениями по всему фронту, и возвращались в Воронеж. Здесь первый раз прозвучала знаменитая «Песня о Днепре»:

У прибрежных лоз, у высоких круч,
Где любили мы и росли...
Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли...

Мы с мамой несколько раз ходили на их выступления. А военного парада 7-го ноября у нас не видела, но он был. По приказу Сталина в трёх городах – Москве, Куйбышеве и Воронеже 7-го ноября 1941 года прошли военные парады.

Наш хор, как и в мирное время, выступал перед зрителями. Серёжу тогда называли «молодой воронежский композитор». Он писал музыку к словам воронежского поэта Бориса Миротворцева. Приятные, добрые песни. И когда в газете напечатали «Прощальную комсомольскую», Серёжа написал песню к этим словам. Мы уже начали разучивать, но появилась музыка Блантера, и Серёжа не стал конкурировать. Но мне больше нравилась мелодия у Серёжи.

Протрубили трубачи тревогу,
Всем по форме к бою снаряжён,
Собирался в дальнюю дорогу
Комсомольский сводный батальон.
До свиданья, мама, не горюй.
На прощанье сына поцелуй!
До свиданья, мама, не горюй и не грусти,
Пожелай нам доброго пути!
Прощай, края родные,
Звезда победы нам свети!
До свиданья мама, не горюй и не грусти,
Пожелай нам доброго пути!
Всё, что с детства любим и храним,
Никогда врагу не отдадим.
Лучше сложим голову в бою,
Защищая Родину свою.
До свиданья, мама, не горюй...

Как я сказала, в эту первую военную осень проводилась широкая эвакуация. Увозили далеко в тыл не только заводы. Уезжали все, кто хотел. Мы мог-

ли уехать во Фрунзе. К Серёже приехала проводить в армию сестра. Его родные жили во Фрунзе. Почему-то Серёжа хотел, чтобы мы уехали к ним. Может потому, что знал моих родителей. Они приходили к нам в кинотеатр. Серёжа был моей первой тайной любовью, мы с Ирой были в него влюблены, потому и в хор пошли.

Помню, как Серёжина сестра пришла к нам домой, уговаривала: «У нас вам будет хорошо, не опасно...». Она нам понравилась, но уезжать из Воронежа?! Нет, большое спасибо, но мы никуда не поедём...

Вскоре пронёсся слух, что папина часть возвращается в Воронеж. (Полк формировался здесь, все познакомились, делились сведениями друг с другом). Известно, что собираются в Хлевном. Мы с мамой отправились в Хлевное. Оказалось, правда, получен такой приказ. Многие уже собрались, папы пока нет. Командир роты регулирования, собирает регулировщиков с постов на дороге.

Немцы успешно продвигались на восток, стараясь окружать наши части и так, по кусочкам, побеждать. Полк, где служил папа, попал в «мешок», окружить полностью не успели. Было приказано вернуться.

Папа приехал через несколько дней. Надо ли говорить, как волновались, и как были рады?

Эвакуировали не только заводы, людей, увозили дальше в тыл хлеб, прогоняли скот. Командиры воспользовались обстановкой, купили по овце, десятку кур. Овцу я не видела, привезли домой мясо. А трёх кур (очень молодых), оставили живыми. Конечно, я зарезать не дала. Правда, оказалось, курочка-ряба лишь одна, два петуха. Один крупный, тоже рябой. А второй поменьше, красавец – цветной, с яркими жёлтыми и почти красными перьями. Этого петушка попросила у нас соседка со второго этажа. Не для еды, он стал любимцем семьи. В обмен подарила плошку с олеандром... Война только начиналась, тяготы ждали впереди...

В армии проходили некоторые изменения. Полк разделили на два батальона, так мобильнее. Командиром батальона, где служил папа, стал майор Семёнов Иосиф Яковлевич. Боевой офицер, я о нём говорила, и ещё скажу, не раз, позже. Примерно через неделю батальон отправился опять на фронт.

Теперь о нашей жизни в Воронеже. В первую военную зиму, морозную, стали ощущать напряжение. Труднее стало с продуктами. Рынок пустовал. Приходишь, а там никого нет, и буквально пустые полки. Ни покупателей, ни продавцов. Если кто-то и привозил картошку, то – подмороженную. И ещё надо её застать на рынке, захватить. Желających купить даже такую много больше, чем тех, кто продаёт. Но мы не унывали. Казалось, если вымочить в воде, то, сладковатая, картошка вкусная.

Так прошла первая военная зима. Опасности не чувствовали. Однажды немцы сбросили пару бомб на завод СК на Левом берегу, это не испугало. Но за ходом войны все следили. Теперь на улицах во время сводок около громкоговорителей всегда стояла толпа. Молча слушали, поглядывая вверх, потом делились мнениями, не сразу расходились. Лица суровые, радоваться нечему. – Город за городом, фронт двигался на восток.

Когда началась война, нашу школу (номер 26) отдали под лётное училище. Нас разделили по другим школам. Я попала в десятую школу, около «Утюжка» (фото 3). Занятия шли, как обычно, только ввели новый предмет – «Сельское хозяйство». Мы познакомились с сельскохозяйственными растениями – пшеницей, просом и другими. Узнавали, как растут, как за ними ухаживать. Говорили, что в Ленинграде многие жители этого не знали, что в осаждённом городе сказалось плохо.

Фото 3. «Утюжок»

Говорили, что в Ленинграде многие жители этого не знали, что в осаждённом городе сказалось плохо.

Пользуюсь случаем рассказать: раньше пионы – украшение наших клумб – на зиму выкапывали и переносили в закрытое помещение. Но в Ленинграде во время блокады не хватило сил. Пионы остались зимовать на грядках. И прекрасно перенесли зиму. С тех пор пионы растут на клумбах всё время.

Прошла весна, наступило лето. Первый незабываемый день для воронежцев – воскресенье 13 июня 1942 года. Был детский праздник, в пионерском саду собралось много детей. Я была у себя около дома, когда раздались взрывы. Это низко пролетел немецкий самолёт, и сбросил бомбы в самую гущу играющих детей. Рассказывали, как страшно – перемешались руки, ноги... матери не могли найти своих... Погибли больше трёхсот детишек. Говорили, что лётчицу (оказалось – это женщина!) около города сбили и взяли в плен.

Сейчас того сада нет. На его месте сохранили большое дерево – память (улица Театральная). Около него памятная плита и всегда цветы (фото 4).

Фото 4. Дерево и памятная плита на улице Театральной

Эвакуация

На каникулах школьников старших классов, начиная с седьмого, отправили помогать селу. (В те годы учиться в школе начинали с восьми лет). Наша школа поехала в совхоз «Красноармейский» Эртильского района ухаживать за посевами сахарной свёклы – прорывать проростки.

Поселили в бараке. Показали, как прорывать свёклу. Повариха совхоза готовила еду, кормила хорошо. Нам здесь понравилось. Только очень скоро всё нарушилось. Мы уехали 23 июня, а с 28-го началась бомбёжка города. Каждый день по несколько раз прилетало множество самолётов. Город горел.

Мы стояли на пригорке около нашего барака. Как в кино, видели огненную полосу на горизонте. Ветер доносил глухие, едва слышные, взрывы бомб. Не верилось, что там наши дома, наши родные...

Нам повезло. Мы уехали в сторону тыла. Некоторых школьников отправили ближе к фронту, и они оказались в оккупации. Никто тогда не подозревал, что враги смогут так быстро прорваться на восток.

Когда началась бомбёжка, бабушка сказала маме: «Езжай, собирай детей. Бомбовки я не боюсь, немцы город не возьмут. А там Галя одна». Решили, – мама с моим братом поедет за мной, тогда все вернёмся. Бабушка с Джимкой (наш любимец – шпиц) остались дома.

Денежного запаса не было. Взяли немного что-то из вещей – поменять в дороге на продукты. Вышли из Воронежа 2-го июля, отправились на попутном транспорте. Надеялись, – скоро все вернёмся, но когда пришли ко мне, правый берег был уже в руках фашистов (с 5-6-го июля).

Прорыв немцев был неожиданным. Люди в панике бежали по Чернавскому мосту, перебирались через речку. А самолёты врага летали над ними, убивали... Я писала об этом.

Много позже узнали: немцам был нужен Воронеж (точнее – железная дорога – станции Отрожка и Лиски) для успеха в походе на Сталинград и Кавказ – ближе к нефти. Маршал Ф.И. Голиков руководил военными операциями. Он подробно описал значение и ход боёв. Несмотря на зенитный заслон наших девушек-зенитчиц, много самолётов прорывалось к городу. Неудивительно, – 4-го и 5-го июля было от полутора до двух тысяч самолётовылетов врага [4].

О сражениях под Воронежем и боях за Воронеж можно узнать также из книги Воронежского писателя-фронтовика Н.В. Романовского [5].

Сорвались планы Гитлера и немецкого командования – наш город стал стеной. В центре бои были не сильные, но дальше врагов не пустили. От окраины, от ботанического сада университета погнались немцев на Запад. Здесь сражения по накалу не уступали боям в Сталинграде, – показывает Романовский.

Город горел. А мы стояли на пригорке около барака и смотрели на зарево, не доверяя глазам. Некоторые не выдержали, сбежали домой. Я осталась, потому дождалась маму и брата. Воронеж у врагов, наши планы нарушились. Мы решали, что делать дальше.

Помог случай. Мимо барака проезжал на телеге, запряжённой волами, управляющий трестом «Облпроект», где работала мама, Елизаров Александр Фёдорович. С женой, дочкой и сестрой. И с документами треста. Потому все отправились дальше в тыл уже как организация.

Просёлочные дороги проходили между посевами густой, высокой ржи, и мы с братом лакомились созревающим зерном (молочной спелости). Нельзя сказать, что было сытно, но не голодали. Государство заботилось: по дороге встречались организованные эвакуопункты. При них – столовая. Один раз в день проезжающим давали по миске густой мучной похлёбки с клёцками. Тогда казалось очень вкусной. Помню наполненные людьми комнаты, очередь за питанием. Шумно, озабоченный говор, но без ссор.

Передвигались по ночам: фашисты на самолётах гонялись даже за отдельными людьми. А нам передвижение по ночам было удобно, – маму днём трясла лихорадка. Она лежала в тени красная, мокрая от пота... Ночью шла за волами...

Так дошли до Борисоглебска. В Борисоглебске штаб, собирали эвакуированных, регистрировали, распределяли по сёлам. Около города на лугу, как цыганский табор – повозки и группами люди без повозок. Александр Фёдорович пошёл в штаб. Нас направили в село Липяги около станции Народной. Поместили в школе.

Александр Фёдорович договорился с председателем колхоза о работе волов. Но никто из колхозников работать на волах не захотел. А я обрадовалась – я буду работать!

Начало было трудным. Волы ещё не слушались, перевернули телегу – ходок распался на две части. Тяжёлый, никак не могу соединить. Ходок в одной стороне, волы – в другой!..

Надо сказать, это было только в первый раз. Медлительные, спокойные животные послушные и добрые. Левый вол крупный, с большими рогами, бежевого окраса. Правый – пегий, поменьше, рога тоже маленькие.

Для управления – палочка и слова – «цоб» или «цобе». Постучишь палочкой по спине вола, скажешь заветные слова, и едешь в нужную сторону. Когда волы привыкли ко мне, слушались голоса, без палочки.

Утром я запрягала свой «экипаж», ехала к правлению, и дальше – куда назначат. Чаще всего мы с женщинами ехали на поле, километра за три – скирдовать хлеб. Они складывали снопы на телегу, мы подвозили к скирде. Днём перерыв часа на два, вечером возвращаемся домой. И я передаю волов Александру Фёдоровичу, он их кормит и поит.

Мне такая жизнь нравилась. Маме моей тоже, – она гордилась. Колхоз за работу выписывал мясо, хлеб, яйца – продукты. Получалось, что я – кормилица нашего «табора».

В это время папа был в командировке на курсах в г. Павлов Посад Московской области. Кадровый военный – в 1914 году окончил военное училище, воевал, красный командир полка в годы гражданской войны. Он получил повышение – звание капитана и должность помощника начальника штаба батальона. Успел получить адрес, и перед возвращением в часть заехал к нам. Со-

бирался отправить дальше в тыл. Но мы воспротивились: поедem с тобой! Воспротивились дружно, хотя аргументы привели разные: мама, и мы с братом. Я была очень рада: не могла и мечтать, что придётся служить в армии. Конечно, радовался и брат.

Мама, больной человек, хотела быть рядом с мужем – боялась остаться с нами одна. Неудивительно: скоро зима, а у нас ни тёплой (фактически вообще никакой) одежды и обуви, ни денег... Папин аттестат слишком мал, не решит проблем. Думаю, папу убедило к сказанному, что непосредственной опасности нет: в боях батальон не участвует.

Итак, в сентябре все мы отправились с папой к нему в батальон. И наступило время рассказать про наш батальон. В то время принимала всё, как должное. С годами поняла, как чётко была организована цепочка: тыл – фронт. И как это было важно для победы!

Дорожно-эксплуатационный батальон

Дорожные части в боях не участвовали, но это была уже Действующая армия. **Непосредственное снабжение передовой линии фронта боеприпасами и продовольствием в большой степени зависело от этих частей.** По железной дороге привозили грузы до ближайшей станции к передовой (километров 15-20 от линии фронта). А дальше, к боям, везли на автомашинах. Работали специальные военные автобаты, в каждой части были и свои машины. И здесь многое зависело от скорости передвижения машин, от состояния дорог в первую очередь. А также от указателей, – по какой дороге ехать...

Эстафету ответственности принимали Отдельные дорожно-эксплуатационные батальоны (ОДЭБ). Формально обязанность заканчивалась в 3-х километрах от окоп – передовой линии фронта.

В этих батальонах созданы роты дорожников и регулировщиков. Дорожники ремонтировали дороги, делали их проезжими для машин. До войны в колхозах машин было мало, в основном работала конная тяга. Дороги, особенно просёлочные, после дождей становились почти непроходимыми. Теперь многие это знают по фильмам о войне. И не только.

Показывать дорогу, ставить указатели, обязанность регулировщиков. На перекрёстках ставили посты регулирования: регулировщик с флажками – жёлтым и красным. Жёлтый флажок пропускал машину, красный – задерживал.

В некоторых местах помещали КПП (контрольно-пропускной пункт). Главная задача этих постов – следить за порядком на дорогах. Здесь стояли двое: дежурный КПП и регулировщик. Дежурный КПП мог быть в звании старшины. Он проверял документы. Главное – у водителей, но и у проезжающих людей тоже. На КПП приходили командированные, кто возвращался из госпиталей... Дежурный имел право посадить таких военных на попутную машину.

Но главное – на КПП следили, чтобы все воинские подразделения имели положенное им число машин. Потому проверяли – принадлежит ли машина этой части. В документах должна была быть, помимо прав водителя, справка о закреплении машины, за водителем, и за частью. Это необходимо. При достав-

ке грузов на передовую много водителей погибало от артиллерийских снарядов, от бомбы... Такую машину-сироту проезжающие мимо могли забрать себе в часть.

Если документы не в порядке, регулировщики машину задерживали, ставили на специальную при КПП стоянку. Дальнейшую судьбу машины решало начальство. Начальник поста мог отпустить сразу, или после того, как машина получит необходимые документы.

Итак, мы прибыли в такой батальон. Встретили приветливо, большинство – воронежцы. Но что дальше?.. Маме 39 лет, не медик, – зачислить в армию не имеют права. Даже добровольно, возраст вышел. А мне – 15 лет, возраст «не дошёл». Олегу вовсе – 10 лет.

В армию не зачислили, но в батальоне оставили. Я на кухне помогала, – чистила картошку. Городская домашняя девочка, всему училась. Поначалу не обращала внимания на толщину шкурки. На кухню как-то зашёл боец, – заметил: «Вот как срезает, сколько пропадает. Потом боец в котелке ищи картошку!». Стало так стыдно! Тогда ещё не думала о норме.

Картошка была грязная, мелкая, иногда подмороженная. Однажды, перечистив пару мешков, охрипла, говорила шёпотом недели две.

Появились мы в части, когда стоял сентябрь. Шло время. Друзья продолжали искать возможности нашего зачисления. Пока безрезультатно. Но жизнь продолжалась. Я с интересом наблюдала особенность прифронтового быта. Мы жили постоянно в одном доме, – фронт стоял. А в нём, как в калейдоскопе, постоянно люди менялись. Кто-то ехал в командировку, кто-то ближе к фронту. Всегда вместе с нами в избе ночевало много народа. Однажды ночевали танкисты. Я смотрела на них, думая, что завтра-послезавтра они будут в бою... А они весело переговаривались, ухаживали за девушкой – хозяйкой дома. Рано утром уезжали. Голубоглазый танкист заглянул в нашу комнату, протянул руку – до свиданья! Кажется, в первый раз почувствовала себя взрослой, поняла, что нравлюсь...

Часто по вечерам пели песни. Все вместе, хором. Иногда просили нас с мамой спеть дуэтом. У мамы был по-настоящему хороший, сильный голос, у меня – слабенький, но, говорили, приятный.

Однажды заночевали сапёры. Молодой лейтенант (19 лет), горьковчанин, Скобелев Николай, мне очень понравился. Я ему тоже. Мы пели, много разговаривали. О войне, о жизни после войны. Он сказал: «Сейчас жизнь суровая, суровы и мы. Но каждому отпущено определённое количество суровости и нежности. Когда кончится война, в нас останется одна нежность, суровость мы израсходуем».

Обменялись адресами, началась переписка, а через некоторое время – встреча. На дороге. В феврале, я уже была в армии, в шинели. Шла по дороге, мне навстречу – взвод бойцов, и рядом – командир – Николай. Мы остановились посреди дороги. Помню его влюблённые глаза. Мои, наверное, были такими же... Стоим без слов... Да для них и времени не было – побежал договаривать свой взвод.

К сожалению, переписка прекратилась. Я была (в чём-то и осталась) максималистка. Мне не понравилось, как он стал писать, показалось, относиться небрежно, – переписка сошла на нет.

Наступил 1943 год – переломный, решающий. Началось освобождение нашей земли. Воронеж освободили 25-го января (фото 5), а 2-го февраля победно закончилось сражение в Сталинграде.

**Фото 5. Солдат водружает знамя победы в честь освобожденного Воронежа.
25 января 1943 г.**

В начале февраля наш батальон переехал на станцию Русский брод. На второй или третий день после освобождения. И здесь, когда руководство военкомата ещё не вполне освоилось, меня и маму по нашим заявлениям зачислили в армию. Мне стало возможно ещё и потому, что прибавила себе год. В заявлении указала только год рождения. Родилась 22 декабря, потому в феврале это выглядело как 17 лет. Мы в военкомат не ходили, за нас хлопотало начальство батальона.

Здесь увидела пленных немцев. В тонкой шинели, поверх сапог «валенки» из соломы, поверх пилотки – женские платки.

Несколько жалких фигур стояли молча, казалось, с недоумением смотрели вокруг. Собирались провести «блиц-криг», победно закончить войну до начала зимы!

Запомнилась деталь: коптилки. У нас на фронте освещались лампами от пустых снарядов. Из полы шинели резали фитиль, заливали бензин... А немцы готовились к войне с комфортом – у них коптилки из пресс-папье! Я видела их в Русском бросе, брошенные в офицерских землянках. Фронт долго стоял на

одном месте – успели вырыть себе землянки, сплести соломенные сапоги... Больше такого не было, – долго не задерживались в одном месте. Теперь с боями мы двигались на запад.

А тогда ещё осталось в памяти – россыпь немецких патронов под ногами на дороге. Припорошенный снегом убитый немец в синей шинели... Зачем шёл воевать? Смотрела на пленных, на мёртвого врага с особенным чувством. Без ненависти, но и без жалости, скорее тоже с недоумением, – зачем пришли к нам, принесли горе и нам, и себе тоже...

Хотели поживиться. У погибших немцев в начале войны находили письма из Германии. Писали, чтобы присылали домой всё, что достанут – одежду, обувь, взрослую, детскую: «Пусть будет в крови, отстираю». Было жутко читать такие письма.

Служба в армии

Итак, с февраля 1943 года наша семья служит в 77-м ОДЭБ 48 армии. Папа – помощник начальника штаба батальона. Маме легко нашли должность – писарь части. Мне оказалось труднее.

Сначала направили в роту дорожников. Одна девчонка среди не молодых бойцов. В сорок третьем году самых молодых из нашего батальона взяли на передовые, остались постарше – около сорока лет. Бывшие колхозники, трудолюбивые, спокойные. И умелые. Романовский очень хорошо написал в своём дневнике про дороги Курской области и работу дорожников. Как дорогу «брили» лопатой, счищая неровности, и что происходило с такой дорогой после дождя. Она становилась липкой и скользкой, как каток.

Я тоже «брила» дорогу, но больше всего пришлось заделывать рытвины на просёлках. В Курской области оченьгодились залежи известняка. Казалось, легко бойцы кувалдами дробили большие камни, на носилках носили на дорогу, «бабами» вбивали в землю. Меня поставили к носилкам. В пару со мной становились разные бойцы, – менялись. На наши носилки насыпали много меньше камней: «Вам хватит, давай следующий!». И ещё: мне говорили, чтобы бралась за ручки подальше, у конца, а сами держались за носилки ближе к грузу. Только потом поняла, – главную тяжесть брали на себя. Не навязчиво заботились,

Началась Великая Отечественная война через два десятка лет после окончания войны Гражданской. Мы забываем, что до революции крестьянство в своей массе было неграмотным. Редко кто учился в начальной сельской школе – четырёхлетке. Первая забота советского правительства – всех научить грамоте. К началу войны основы грамоты большинство сельчан получили, но этого было мало. И однажды во время обеденного перерыва боец попросил меня написать письмо домой. Я уже рассказала, как он сказал, что не умею писать письма. «Надо много сказать. – Сначала передать всем поклон, никого не забыть, спросить о здоровье. Под конец напишешь – Жду ответа, как соловей – лета».

Вот это – «Всем поклон передать, никого не забыть!». Мне особенно понравилось.

Надо сказать: за то время, что пробыла в роте дорожников, многое поняла, узнала, о «простых» людях. И это понимание, благодарность остались навсегда, сказались на моём отношении к людям, жизни.

Начало войны показало, что эта война не та, что в двадцатые годы. И руководство должно быть иным. Нужны другие, молодые командиры. Были возвращены в армию ранее, по-разному отстраненные, военно-начальники. Документы об их ненадёжности, предательстве, были составлены очень умело, в частности, о маршале Тимошенко, – не подкопаешься!

Пользуюсь случаем, скажу – уверена, составляя умелые фальшивки, наши враги, противники Советов, в тридцатые годы погубили много большевиков. Целенаправленно лишали и армию умелых руководителей, – готовились к войне с нами!

Моральная подготовка к смене руководства в армии проведена и с помощью художественной литературы. Говорят, по заданию Сталина, появилась пьеса Корнейчука «Фронт». В пьесе противопоставляются старый генерал Горлов и молодой – Огнев, их подходы к руководству армией, сражениями. Пьесу печатали в газете «Правда». Помню, как читали и горячо поддерживали молодого генерала Огнева, необходимость смены руководства.

Самая знаменитая книга, с первых дней войны, до последних – Александра Твардовского – «Василий Тёркин. Книга про бойца». Самая любимая у всех, от бойца, до генерала. Неудивительно –

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей.
Да была б она погуще, как бы не была горька...

Всю войну Твардовский писал эту книгу: «С первых дней години горькой...». Выходила частями, по мере написания. А писалась вместе с событиями на фронте. Печатали её не только в центральных газетах, но и во фронтовых. И все с нетерпением ждали продолжения.

Страшный бой идёт, кровавый,

Смертный бой не ради славы –
Ради жизни на земле.

Свет пройди, – нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

И сохраняется всю жизнь. Теперь мы это знаем.

В армии вернули погоны. Приказ Верховного Главнокомандующего о введении в Красной армии погон опубликован 17 января 1943 года. Бойцы были недовольны, – потихоньку бурчали: «За что же мы боролись с «золотопогонниками» в гражданскую?». Нам объясняли, – это необходимо. Надо, чтобы стали заметнее знаки различия командования. Я думаю, погоны особенно удобны солдатам: вещмешок, да и другой груз, нести легче, меньше давит на плечи. Не случайно когда-то их ввели в армии.

Я – комсомолка

В комсомол принимали с 8-го класса, а я закончила семь. Наш комсорг, лейтенант Щербинин обрадовался – пополнение в его рядах! И в дни, когда, говоря армейским языком, – «несла службу» в дорожной роте, меня приняли в комсомол – 23 марта 1943 года. Помню, как в армейском комитете ВЛКСМ со мной разговаривали, очень доброжелательно. Поручений комсомольских не давали, требовалось только добросовестно нести службу.

Тогда комсомольцам и коммунистам поручали самые трудные участки. И в тылу, и на фронте.

Пополнение

Очень старалась хорошо нести службу, только, конечно, толку от меня на дороге было мало. Но в апреле к нам прибыло пополнение из Мордовии, и я оказалась не одна. Мобилизованные девушки заполнили ряды прифронтовых частей, встали вместо тех, кто ушёл на передовую.

Только что делать? – медицинского образования у них, как и у меня, нет. Военных знаний – тоже. Начальство решило рискнуть – сделать девушек регулировщицами. В тоже время опасались – регулировщики стоят посреди дорог, далеко от села. Девушек могут обидеть, да и будут ли слушаться?.. Но выхода нет. Только сначала надо обучить азам военной службы. И в батальоне создали курсы регулировщиков.

За десять дней нам пришлось многому научиться: строиться, ходить строем, начинать шаг под команду – «левой, раз-два!». И останавливаться: под команду «стой» делать ещё два шага – «раз-два». Маршировать под музыку. Под первые звуки маршевой песни, сначала делаем шаг левой ногой.

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с боем взять Приморье –
Белой армии оплот.
Колыхались знамёна
Кумачём последних ран.
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда –
Партизанские отряды
Занимали города.
И припомнятся не раз нам
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.
Разгромили атамана,
Разогнали воевод,
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

В то время «Волочаевские дни» были гораздо ближе для нас по времени, чем сейчас для молодёжи «Тёмная ночь» и многие песни военной поры. Но казались очень, очень далёкими...

Делать «строевой шаг» – тянуть носок – было очень трудным. Судя по телевизору, теперь такого строевого шага нет, сейчас торжественный шаг, кажется, немного иной.

Мне нравилось ходить строем, да ещё с песней! Чувствуешь, что это не только я, это – мы, вместе, чувство локтя – замечательное ощущение единства!

Но, главное, нас учили ухаживать за оружием, стрелять. Я тоже впервые получила винтовку. Когда работала на дороге, оружие ещё не дали. Получила тогда шинель, пилотку, ремень, гимнастёрку, две юбки. Одна – синяя, фланелевая, прямая. Вторая из того же материала, что гимнастёрка, с двумя складками по бокам. Выдали чулки, две рубашки (из белого ситца, на бретельках), двое шаровар хб. Это записано в красноармейской книжке. Книжку получила тоже вместе с винтовкой, на курсах. В книжке записано, что выданы ботинки. Но помню сапоги, особенно потому, что нас учили наматывать портянки. И поначалу это казалось трудно.

В книжке записано – «Зачислена в 77 ОДЭБ на должность регулировщика 10.03.43 г.», про дорожную роту не записали (фото б).

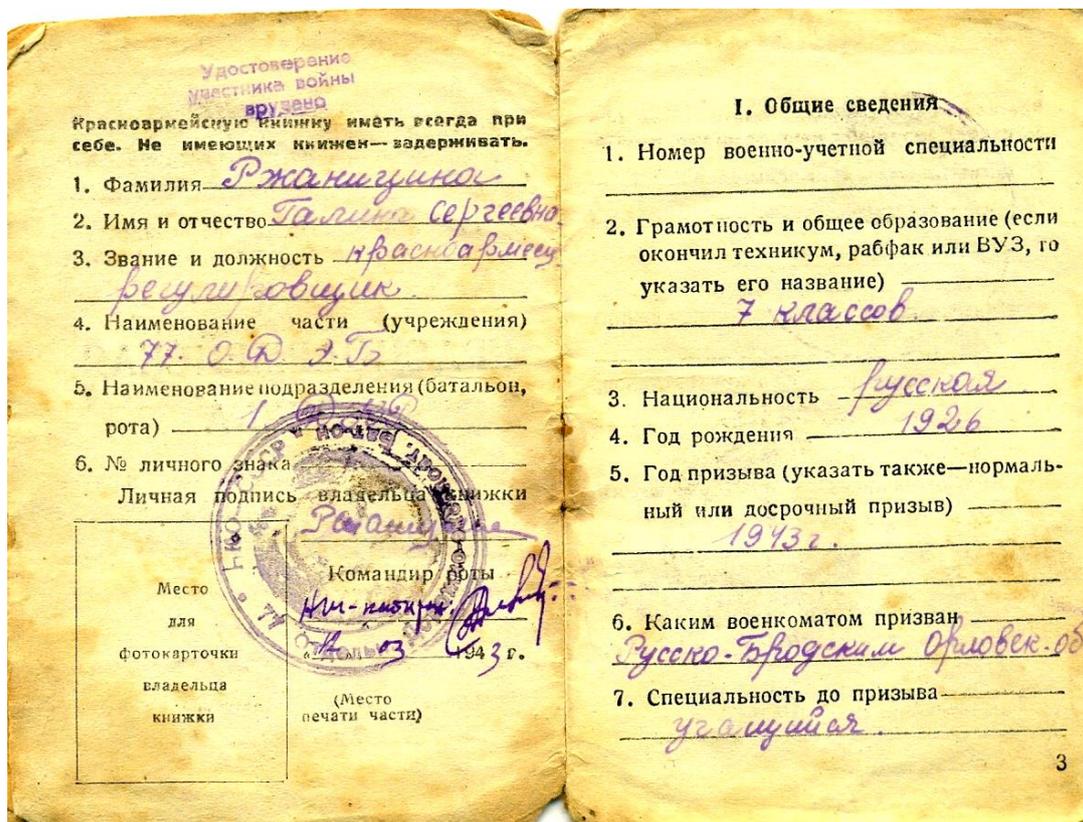

Фото 6. Красноармейская книжка Ржаницыной Г.С.

Винтовка – это уже настоящее. Теперь мы – военный народ. Моя винтовка 1925 «года рождения» Ижевского оружейного завода, номер 98989. Правда, вскоре нам заменили винтовки карабинами – с ними легче стоять на посту.

Учил обращению с винтовкой, стрельбе, сержант Царьков – молодой улыбчивый парень. Кажется, его забавляло руководство девушками: мы относились к нему с почтением. Не помню имени, может, и не знала. Требовалось обращение по званию – «товарищ сержант, товарищ капитан»... Только друг для друга мы оставались «Нина, Маруся...». Наверное, чтобы не было панибратства. Сколько помню, командиры тоже общались между собой, пользуясь не именами, а – званиями.

Помню солнечный день второй половины апреля, длинный стол, сколоченный из досок. И мы за этим столом, перед нами – винтовочный затвор. Сержант учит разобрать его и собрать. Поначалу нам было нелегко. Царьков улыбается: «Что вы его так нежите? Резче двигайте рукой, сильнее!».

Потом научил целиться и стрелять. Получалось даже неплохо, правда, при стрельбе лёжа.

Другие научили проверять документы. Мы узнали приказы, наши обязанности и права...

Курсы продолжались десять дней. По окончании сдавали экзамен. Теоретический и практический – ходили строем, с песней, стреляли, говорили о наших правах и обязанностях. Папа был начальником курсов. Командир батальона майор Семёнов остался доволен выпускниками. На Марусю Пирожкову, Нину Миндрову, Раю Мусатову и меня в штаб армии послали представление к

присвоению звания младшего сержанта. Нас назначили дежурными КПП, и выдали соответствующий документ.

Удостоверение дежурного КПП 77 ОДЭБ № 170. Выдано 6 мая 1943 года красноармейцу Ржаницыной Г.С. (фото 7)

Звание младший сержант присвоено 22.06 1943 г.

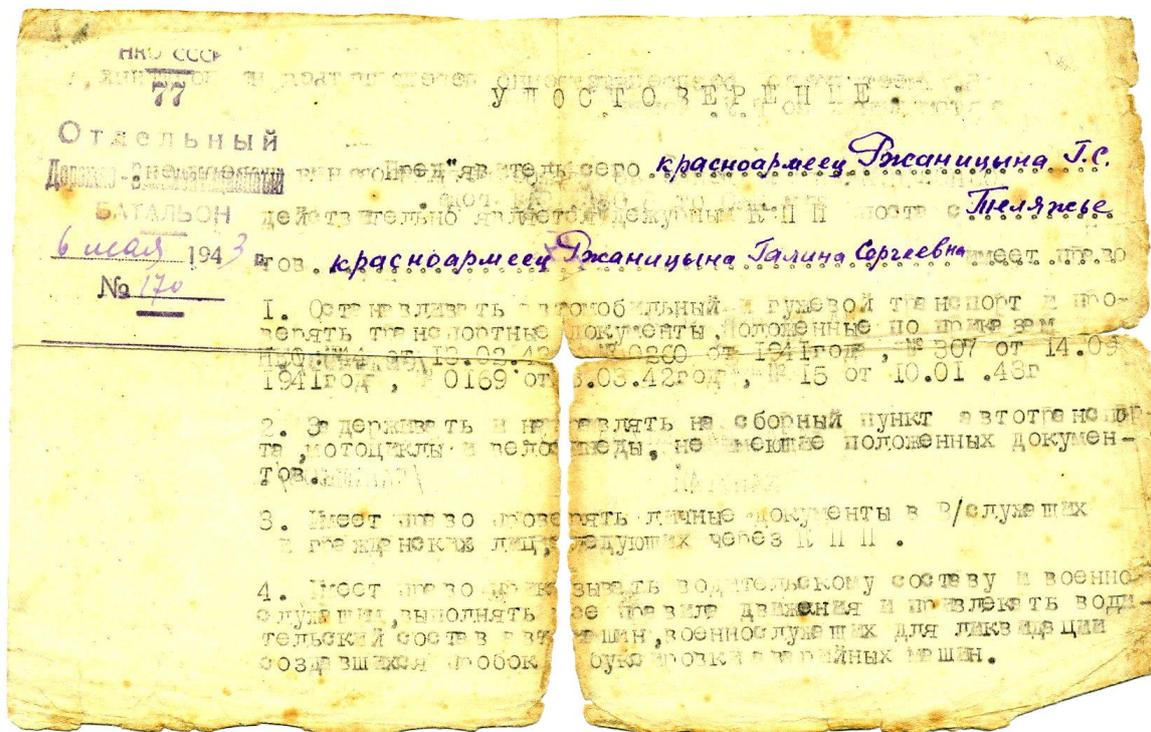

Фото 7. Удостоверение дежурного КПП

Мы – первое в 48 армии КПП только из девушек. Как тогда говорили – экспериментальное. На других постах дежурными ставили мужчин. Но командир, начальник поста, и у нас был мужчина.

Наш пост поставили при штабе второго эшелона 48-й армии. Переезжал штаб, и мы с ним вместе. Стояли часто – на окраине, или в полутора-двух километрах от села, где квартировал штаб. Так было удобно: в штаб по разным делам приезжали командированные. Мы сажали их на попутные машины.

Курсы закончились к маю (30 апреля сдавали экзамены) Поставили на пост в первые дни мая. А я в первый раз стояла на посту 23-24 апреля. Штаб переезжал на новое место, ночью. Указывать путь поставили регулировщиков. Меня привезли, оставили одну, домов не видно. Около – полуразрушенная церковь, там какие-то сычи голос подают... Рассказали, как указать дорогу: «Метров двести – прямо, подняться на горку, налево – село Теляжье, направо – Красное. Вам нужно налево». Так заучила – до сих пор помню.

Когда рассвело, увидела, – стою почти рядом с домами. Но страшно и в темноте почему-то не было, хотя до войны тёмной комнаты боялась.

Наш КПП

На контрольно-пропускном пункте стоят по два человека: один с флажками – красным и жёлтым – (останавливает машины или пропускает), другой

проверяет документы. У нас – маленькая будочка со скамеечкой на одного человека, окошком, маленьким столиком.

Предполагается, – дежурный сидит на скамеечке, в окошко принимает документы, на столике их проверяет. Было не так. Мы не задерживали движение, подходили сами. Водитель, не выходя из машины, предъявлял документацию. Если она не в порядке, обычно мы вызывали начальника, дальше всё решал он. Если требовалось задержание машины, водитель ставил её на специальную стоянку – близко около поста – охраняли такую машину чаще всего мы.

КПП заранее предупреждает водителей, – готовьтесь! Будочка ярко окрашена. Метров за 50 и больше, при подъезде к посту, – лозунги, плакаты... У нас рисовал настоящий художник, теперь известный не только художественному миру, тогда юноша 19-ти лет, Андрей Васнецов. (О нём позже расскажу подробнее).

На КПП командир и шесть девушек – три смены. В одно время стоят двое: одна машины останавливает или пропускает, (регулирующий), другая проверяет документы (дежурный КПП).

Дежурство по четыре часа, смена – через восемь. Одна смена начинается с 12-ти, другая – с 4-х, третья – с 8-ми часов. Через две недели время дежурства менялось: трудно стоять по ночам. Правда, изменение времени в первый день неприятно, за две недели привыкаешь к своему ритму жизни.

Будочка помогала, когда дождь (и нет машин) – тогда, если стоять, прижавшись друг к другу, не вымокнешь. Больше выручала при ночном дежурстве. Ночью движение меньше, можно одной зайти в будку, сесть на скамеечку, положить голову на столик, минут десять подремать. Минут десять... Но как это помогало снять дремоту! Ночные бдения всё-таки тяжеловаты...

Наш быт. Числились мы в 77-м ОДЭБ, но практически всегда жили далеко от батальона. Потому получали сухой паёк на несколько дней, и готовили себе сами. «Повара» менялись. Готовили те, кто свободен от дежурства.

Девушки постарше меня года на три (мне – 16, им по 19-20 лет). Потому я у них на подхвате. Чаще всего – чистила картошку!.. Не помню норму, но никогда не было разговоров, что чего-то не достаёт. Правда, один раз мы оказались далеко от батальона (много больше ста километров), нам не смогли доставить продукты во время, а наши кончились.

Стояли тёплые осенние дни, в селе закончилась уборка картофеля. У хозяйки квартиры, где мы жили, картошкой забит подпол, под навесом во дворе лежала гора... Можно бы попросить, но она смотрела на нас враждебно. Село освободили дня два назад, а нам сказали, что её мужа – полиция – недавно партизаны повесили. Что делать? Есть-то хочется!

И ночью забирали из подпола (в комнате, где мы жили) ведро картошки. Днём открыто картошку чистили и варили. Дня через два привезли наш паёк: Разные крупы, масло, консервы, макароны, что-то ещё... Не помню, как с куревом. Никто из нас не курил. А спиртного и не полагалось, сто грамм выдавали на передовой. Помните в песне: «Свои боевые сто грамм»?

Вообще тогда со спиртным, видимо, было строго. За всё время на посту ни разу не видела не только водителя, но и того, кто сидел с ним рядом, – в подпитии, не чувствовала спиртного запаха.

Мои подруги

Девушки призваны из Мордовии. Сначала я стояла с Марусей Пирожковой, Нина Миндрова – дежурная КПП – с Настей Шатовой, Рая Мусатова с Марусей Самохиной. Позже Маруся Пирожкова тоже стала дежурной.

Самая красивая – Нина. Блондинка с карими глазами. У Насти волосы скорее русые, кудрявые. А глаза – иногда голубые, иногда – зелёные. Самая весёлая и смешливая. Она немного недослышала, потому часто в ответ на вопрос просто улыбалась. Ближе всех мне – Маруся Пирожкова. Также красивая, с зеленоватыми, всегда серьёзными, глазами. Была ближе и по характеру.

Мусатова Рая – отличалась от всех девушек. Мужественная, – волевая, и, пожалуй, – суровая. С красивым изломом бровей. Она и держалась особняком. Маруся Самохина уже была в части. Нам сказали, что у неё сын трёх лет. Не знаю, как она оказалась в армии.

«Бразды правления» у начальника поста – лейтенанта Зайцева, спокойного мужчины лет 35-и.

Началась наша служба регулирования 6 мая 1943 года.

Расположили пост на окраине села Теляжье. В колхозном яблоневом саду поселили в шалашах. И мы оказались, как в сказке: среди цветущих яблонь, из густого кустарника рядом – трели. Такую соловьиную «перекличку» слышала впервые, и никогда больше. Какие тогда стояли зори!.. Тепло, и ни разу не было дождя.

Рядом – овраг, в нём речушка-ручеек. Сюда мы бегали умываться и стирать. Стояла тишина. Казалось, нет никакой войны, все счастливы и благополучны. Мы постарались украсить наш пост. Сделали рядом с будочкой небольшую насыпь, на ней выкладывали камешками цифры – календарь. На рассвете цифры меняли. Запомнилась последняя дата – 27 июня.

Первое нарушение нашей идиллии произошло вскоре. Рядом в шалашах размещались бойцы другой роты. Боец чистил винтовку и нечаянно выстрелил, – попал в Марусю Самохину, убил. Я с девушками была в это время на речке, мы не видели. После этого всех из шалашей разместили по домам.

В Воронеже

В то время, когда мы проходили военную науку, мама побывала в Воронеже. Командир батальона, командиры рот, другое начальство, – воронежцы. Город сильно бомбили, половина года – передовая. Неудивительно, что связь с родными потеряна. Маме поручили по возможности узнать о судьбе близких, снабдили бывшими адресами, именами...

Город освободили 25 января, мама приехала в апреле. Снег растаял и стали заметнее, – можно бы сказать – раны, правильнее – потери. От красивого города остались развалины. Мама встретила Александра Фёдоровича Елизарова, бывшего управляющего треста «Облпроект», с которым мы эвакуировались

на волах. Он – член комиссии, определявшей разрушения сразу после освобождения города. Остались целыми только 3 % зданий.

Но город жил. Возвращались сразу после освобождения. На саночках, ещё по снегу, везли то, что уцелело.

На месте дома моего детства, по улице 27 февраля, – пустырь. А дом на Студенческой улице остался невредим. В нём разместилась гостиница «Воронеж». От мебели и прочего ничего не осталось, кроме абажура: стеклянные подвески высоко на потолке, да и ценности не представляли. Остальное кто-то растащил.

Но главное – нет бабушки. Жителей выгоняли из города. Бабушку видели около Хохла. На привале у костра, среди таких же стариков, сидела одинокая старушка восьмидесяти двух лет. На этой квартире мы прожили совсем немного – меньше года. Она из дома не выходила, – близких знакомых нет. Больше ничего о ней не узнали. Где, как прошли последние часы жизни?

Мама всю жизнь себя казнила, что оставила её, когда с Олегом они ушли ко мне в совхоз. Собирались вернуться, враги были далеко...

Уцелел Джимка. Я говорила – родители, когда закончила четыре класса, подарили мне щенка чистопородного шпица. Ухоженный балованный пёсик оставался с бабушкой.

Мама на улице около нашего дома разговаривала со знакомой, когда из подворотни выскочил грязный, лохматый шпиц. И остановился, – вопросительно смотрит. Знакомый голос услышал издали, но никогда не видел её в таком одеянии.

А во дворе тоже жил шпиц – ничейный. Конечно, грязный. Мама растерялась – «Джимка»? Как он бросился к ней! Сколько было восторга, обоюдного!

Вот кто мог бы рассказать про бабушку! Наверное, бежал за ней, прячась среди высокой травы, бурьяна. Потому весь в репьях, колючках. Бежал, пока была жива, а когда её не стало, вернулся домой. Ждал, и дождался

Вопроса – что делать? – не было. Кто-то дал зелёного мыла. По реке плыли льдины, но Джимку искупала, расчесала. На поводке, с ошейником, приехал он с мамой в часть.

Привезла письма, – среди развалин нашла многих адресатов, остались живы. Уцелели жена и дочь командира батальона – Семёнова, их считали погибшими.

Следы войны

В освобождённых сёлах около нас находили страшные следы войны. Врача батальона приглашали в комиссию, фиксировали последствия оккупации. В одном из сёл закопали живыми почти 70 стариков и детей. Заставили выкопать яму, спрыгнуть в неё, засыпали землёй. И это не единичный случай.

Корреспондент нашей армейской газеты «Слово бойца» Воронежский писатель Н.В. Романовский писал в эти дни о трагедии села Трудки. «Село это пережило настоящую трагедию. До войны в нём было 960 дворов, около 3700 жителей. Теперь, после того, как из села выбили немцев, там осталось 10 хат и

около 600 жителей. Подсчёты, далеко не полные, показали, что фашисты уничтожили до 130 человек, многих угнали с собой на каторгу. Одна старушка рассказывала мне страшные вещи о том, как гитлеровцы убивали людей, как жгли их живьём, как били гранатами в подвалах» [6].

На работу в Германию угоняли тысячи молодых, здоровых девушек России.

Н.В. Романовский пишет о восстановлении жизни после освобождения в селе Хаустово. До войны богатый колхоз. После освобождения «были плуги, но не было лошадей. Работать могли десятка два женщин и стариков». «Колхозники решили пахать на коровах, и я видел, как они приучали коров ходить в упряжке».

Такое было после освобождения в большинстве хозяйств.

Сведения о зверствах фашистов до нас тогда доходили не все, но и того, что узнавали, было достаточно. О чём бы ни говорили, чем бы ни занимались, всегда рефреном звучало – скорее бы кончилась война, скорее бы Победа!

Мне грозил штрафбат

Мы, в саду, среди цветущих яблонь, наслаждались тишиной и соловьиным пением. Тогда не знали, что наступило «великое противостояние».

В апреле Гитлер издал директиву о подготовке решительного наступления, назвал операцию «Цитадель». Собирался окружить наши войска в районе Курска, и уничтожить [7].

Но К.К. Рокоссовский и Г.К. Жуков это уже предвидели. И тоже в половине апреля, приняли решение: встретить врага мощной обороной, обескровить войска, перейти в контрнаступление и окончательно разгромить. На Северном фасе Курской дуги войска Центрального фронта под командованием К.К. Рокоссовского построили шесть основных оборонительных полос. Здесь располагали стрелковые дивизии, артиллерию, подвозили ближе к передовой снаряжение, боеприпасы, продовольствие... Была проделана громадная работа.

Заместитель командующего Центральным фронтом Н.А. Антипенко в своих воспоминаниях писал: «В ходе оборонительного сражения с 5 по 12 июля было израсходовано Центральным фронтом 1079 вагонов боеприпасов...» [8].

Северный фас Дуги – это мы. Подготовку к сражениям вели в строгой секретности. Потому требовали полной тишины. Категорически не разрешались всякий шум, случайные выстрелы. Специальные патрули ходили по селу, строго следили за выполнением приказа. За нарушение тишины – штрафбат.

В это время я едва туда не угодила. В ночное дежурство стояли мы с Марусей на посту. Дежурный патруль (мы их звали пограничники), – молодые ребята, делая обход, заглянули к нам. Тогда девушки-регулирующие были ещё в новинку. Они смеются: девушки на посту, с винтовкой! «Да вы, наверное, и винтовку держать не умеете, не то, что стрелять!».

Винтовка у меня за спиной. Я взяла в руки, подняла ствол вверх, щёлкнула курком. Передёрнула затвор, щёлкнула ещё раз. Винтовка заряжена, – раздался выстрел. Испугались все. Я – выстрела, патруль – звука – шума. Почему-то не сообразила, что в стволе винтовки – пуля. Выстрела не ожидала, испугалась звука. Бойцы – патруль – испугались нарушения приказа, нарушения тишины.

«Молчи, мы никому не скажем». Они и не сказали. Как раз подходило время смены. У нас с Марусей, и у патруля. Найти нарушителя тишины, виновника, предстояло следующей смене. Так бы и остался он неизвестным, но когда патруль зашёл на наш пост, Рая Мусатова сказала им, кто стрелял, назвала адрес. (Нас уже перевели жить на квартиру).

Я спала, когда пришёл патруль, спрашивают: «Стреляла?». «Стреляла». Смотрят винтовку – ствол грязный. Неохотно так говорят: «Пошли с нами».

Командование патруля в палатках на окраине села. Подвели к палатке. Вызвали офицера. Раннее утро, солнце всходит. Он, сонный, выходит из палатки, застёгивает ворот гимнастёрки, щурится на солнце, спрашивает: «Стреляла?». «Стреляла». «Зачем?». Молчу, ничего не говорю... «А ты знаешь, что тебя надо отправить за нарушение приказа в штрафной батальон?». Молчу, голову опустила. Но не плачу. Посмотрел строго: «Иди. Но больше не стреляй!». «Не буду».

Наверное, недовольство высказали командованию батальона, мне не сказали. От патруля узнали, кто им сообщил, а доносчиков нигде не любят. Рая вскоре перешла в другую часть.

Звание ефрейтора

Я уже говорила: после окончания курсов на меня, Марусю Пирожкову, Нину Миндрову и Раю Мусатову послали в штаб армии представление к званию младшего сержанта. Но получилось, что некоторое время до этого звания, я побывала ефрейтором. Правда, лычко не успела пришить (у ефрейтора одно лычко). Младший сержант имеет два лычка.

Дело было так. Поставили нас на пост в начале мая. Надо было строго следить за порядком на дороге. Проверять документы у всех машин, даже командования. И когда дежурили, мы с Марусей остановили машину с генералом. Подхожу: «Проверка документов. Товарищ генерал, разрешите обратиться к водителю...».

Генерал глянул искоса, раскрыл, показывает удостоверение. Вижу – П.Л. Романенко, командующий армии. Какая уж тут проверка! Руку к пилотке: «Товарищ командующий! Контрольно-пропускной пост номер один. Дежурный регулировщик Ржаницына. За время моего дежурства происшествий не произошло». Генерал кивнул головой, машина с места взяла скорость.

Говорили, начальнику Дорожного отдела армии полковнику Ткачёву генерал высказал недовольство: регулировщики задерживают, не знают его ма-

шину. Дальше не знаю, кто «виноват» – генерал, или Ткачёв, но по армии объявили благодарность *ефрейтору* Ржаницыной за отличное несение службы. Звание ефрейтора имела право давать армия, то, что выше – фронт.

Теперь, когда генерал проезжал мимо, всегда рука – только «под козырёк»!

Казалось бы – обычное дело. Но показывает, какая была у нас в армии дисциплина. Для всех. Генерал, командующий армией, выслушивает рапорт подчинённого – рядового красноармейца, к тому же девчонки! Тогда даже мне было заметно, что генерал спешит. В обманчивой тишине шла напряжённая подготовка к великим сражениям...

Думаю, руководство стало довольно: раз не испугалась высокого начальства, значит, можно доверить девушкам службу регулирования. Первое время мы задерживали довольно много машин. Однажды задержали машину с командующим 16-й воздушной армии генералом С.И. Руденко. Проверяю, а на его машину не все документы в порядке. У него «серебряный» виллис – покрыт дюралюминием. Докладываю по форме: «Товарищ генерал, разрешите доложить: на Вашу машину не все требуемые документы. На основании приказов (таких-то), за номерами (такими-то) Ваша машина задержана».

Видно, генерал тогда не очень спешил, – улыбается: «А как же мне быть? Мне ехать нужно». «Я Вас на попутную машину посажу».

Срочно вызвали начальника поста. Конечно, машину генерала сразу отпустили. Но то, что мы задерживали машины с начальством, помогло навести на дороге порядок. Руководители подразделений стали строже следить за документацией машин части.

Перемещался фронт (фото 8). А с ним все службы. Перемещался и наш пост. И теперь мы уже знали не только номера «своих» машин, но и наличие на них необходимых документов.

Фото 8. На командирской разведке. Июль 1943 г. Слева направо: командующий Центральным фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский, командир 1-й гвардейской инженерно-сапёрной бригады полковник М.Ф. Иоффе, члены военного совета генерал-майоры К.Ф. Телегин и М.М. Стахурский, командующий артиллерией генерал-лейтенант М.С. Калинин, командующий 16-ой воздушной армией генерал-лейтенант авиации С.И. Руденко.

Село Яковлево

«Великое противостояние», тишина, продолжались до 5 июля. Ждали наступления фашистов. Бои шли с 5 по 12 июля. Н.А. Антипенко пишет: «За пять суток ожесточённого сражения противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 10 км по ширине не больше 10 км. Это обошлось немцам в 42 тысячи убитых солдат и офицеров и 800 уничтоженных танков». И стало возможно после нашей мощной подготовки, подвоза снаряжения, боеприпасов. Я об этом уже сказала.

После первых боёв наступило короткое затишье. Пост поставили в селе Яковлево (фото 9), в пяти километрах от Змиёвки. В Яковлево большой пруд. По берегу старые ивы. Сохранился, но никто в нём не живёт, старый помещицкий дом. В нём по преданию, бывал Пушкин у своего друга Яковлева.

Фото 9. Село Яковлево, сорок лет спустя. Старые ивы сохранились...

Во время короткой передышки перебрасывали подкрепление. В самой строгой тайне. Потому нельзя было допускать малейшего скопления машин на дорогах. Тогда мы четыре часа дежурили на посту, потом четыре часа патрулировали по дорогам. Оставались на сон около четырех часов, до следующей смены. Конечно, было трудно. Но Яковлево больше запомнилось мухами.

Тысячи убитых, под жарким июльским солнцем – прекрасная пища для мух. Развелись их тучи. Приходилось спать под пологом – занавеской из простынь. Только много мух забиралось и туда. А когда готовили суп, прямо сыпались в кастрюльку! Крышку приоткрыть было невозможно.

Обилие мух связано и с местными событиями. В село перед освобождением вошли наши разведчики. Фашисты их окружили... На окраине несколько дней лежали погибшие бойцы. Хоронить не разрешали. Жители сумели их потихоньку похоронить лишь через несколько дней.

После короткой передышки, с 15 июля наши войска перешли в наступление. Бои были трудными – немцы за два года хорошо подготовились, построили оборонительные сооружения, отчаянно сопротивлялись. Орёл вернули

5 августа. В тот же день освободили и Белгород. Первый победный салют Великой Отечественной прозвучал в этот день – 5 августа 1943 года. С тех пор Орёл и Белгород зовут городами Первого салюта.

Яковлево у нас – начало Победы. И мы в особом, приподнятом настроении. Хотелось петь, двигаться... Машин проходило через пост много, и я, казалось, – летала между ними! Настроение ещё больше поднялось, когда краем уха услышала от кого-то из ожидавших попутку: «Строевая девушка!». У нас всегда около поста были те, кто ждал попутный транспорт.

Мне тогда легко было двигаться. Конечно, родители переживали, что в 16 лет балованной дочке придется стоять на дорогах. Нести непростую службу. Папа сумел кому-то заказать для меня сапожки из зелёного брезента. Лёгкие и удобные сапожки послужили всё лето. Хорошо, что оно было жаркое и сухое. К осени сменила на сапоги. Кирзовые сапоги, конечно, тяжеловаты, зато не пропускают влаги. Портянки не позволяют чувствовать, что велики, берегут тепло. Зимой нам выдали ещё и валенки.

Наши медали

После Курской дуги мы, дежурные КПП, получили медали «За боевые заслуги» и нагрудный знак «Отличный дорожник». Как написано в красноармейской книжке: «За отличное выполнение заданий командования». Задание командования – участие в «важной транспортной операции». Приведу слова Н.А. Антипенко: «К незабываемым страницам из истории тыла Центрального фронта на Курской дуге следует отнести действия наших автомобилистов и дорожников в момент перехода от обороны в контрнаступление».

Командующий фронтом поставил задачу: транспортом тыла перебросить за 36 часов резервный корпус на 100-120 км к западу. Кроме людей, надо было перевезти несколько сот артиллерийских лошадей. Для этого пришлось оборудовать автомашины, орудия шли на прицепе.

«Благодаря чёткости в работе штаба тыла и хорошо отработанному взаимодействию автомобильной и дорожной служб фронта задание командующего было выполнено не за 36, а за 24 часа. Вырвавшись на оперативный простор, корпус совершил героический четырёхсоткилометровый поход до Днепра, форсировал его и вышел в тыл Киевской группировки противника.

Военный совет фронта щедро наградил не только участников этого прорыва, но и исполнителей столь важной транспортной операции».

Помню, мы без задержки пропускали машины с лошадьми в кузове и орудиями на прицепе. Но мне хочется подчеркнуть, как чётко было организовано взаимодействие, какая была дисциплина.

Сейчас говорят, что в Великой Отечественной войне победил народ. Конечно, очень важно стремление всех, каждого, от генерала, до последнего бой-

ца – всё сделать для победы, для скорейшего освобождения нашей земли, для Мира.

Но масса людей без управления – толпа. В войне многое зависело от тех, кто в окопах. Конечно, в первую очередь им необходимы вооружение, боеприпасы. Но не только. Всех надо накормить, напоить, обуть, одеть... Множество служб косвенно участвуют в сражениях, и важно их взаимодействие. Собрать всех в единый организм, в кулак! От глубокого тыла, до передовой! Для этого нужна продуманная организация и дисциплина. Мы знали, что делаем, хотя и малое, но нужное дело, каждый из нас, на своём месте... И здесь велика роль Сталина и руководства.

Сейчас многие наши враги пытаются представить руководство в чёрном цвете. Даже говорят, что командование не жалело людей, потому погибало так много. А с кем же тогда воевать? Пушки и снаряды сами не стреляют, нужны люди. Знаю, была строгая отчётность и в этом отношении. Берегли бойцов особенно в мелких подразделениях. Там все были и друзья. Дружба фронтовиков известна, сохранилась на всю жизнь...

Наш КПП тоже перебросили, километров за 150 на юго-запад, в Черниговскую область

Жили в землянке, стояли на перекрёстке больших дорог. Шла перегруппировка частей, и движение было такое, что пыль стояла столбом, как туман, на зубах скрипела. После каждого дежурства ездили на попутных машинах километра за три, на речку, мыться.

Рядом с нами в лощине стояли танкисты. Резерв. Они свои землянки хорошо обустроили. Потолки с накатом, стены тоже из брёвен. Пригласили посмотреть: чисто, кровати застланы белым покрывалом, горка подушек, тумбочки покрыты салфетками. На тумбочке фотографии, большой портрет Сталина.

Сейчас много говорят о Сталине, его роли, отношении к нему. Наверное, не все, но почти все, громадное большинство, ему верили. И ходили в атаку тоже не все с его именем. Но – с верой в победу. А вера и Сталин были тогда неразрывны. Его имя было – символ Победы. Я в боях не участвовала, но знаю – это очень страшно. У Юлии Друниной есть стихотворение:

Я только раз видала рукопашный.
Один лишь раз, и тысячи во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Времена меняются, но страх рукопашного боя остался, я знаю от участника Афганской войны. Важно преодолеть страх. И здесь очень важно знамя – ради чего воюем! И под чьим руководством. Велика в этом роль Сталина. Пользовались огромным уважением и наши военно-начальники – К.Г. Жуков, К.К. Рокоссовский, много других, всех трудно перечислить. Теперь их имена известны.

К.К. Рокоссовский тогда командовал нашим, Центральным фронтом, о нём в армии говорили хорошо (фото 10).

Бойцы нашей части не знали рукопашного боя, но потери были. Однажды батальон менял позиции в Курской области. Шли ночью. Случайно две встречные машины включили на мгновение фары, а над ними полетела немецкая «рама»! Погибли тогда 39 наших бойцов, командир роты Черников, писарь обозно-вещевого снабжения Дуся Бобырь – маленькая девчушка. А те, что остались живы...

Старший лейтенант Зайцев был первым начальником нашего поста, я очень обрадовалась, когда увидела его в Воронеже через 20 с лишним лет. Он тоже узнал меня. Стали вспоминать: «А помните?». Он перебил: «Помню, да-да, помню! Ночью мы шли. Вдруг – бомбы... Помню, вологодский парень был, ему живот разорвало... Он стоит на коленях. Кишки с земли собирает. В живот кладёт... в живот кладёт...». Потрясение не забылось и сказалось уже после войны.

Позже тоже бывали потери, но единичные – случайно залетевшим снарядом, осколком... Нашему КПП везло. Часто бывало: только переедет штаб, и мы с ним, на новое место, а старое прилетают бомбить. Думаю, вряд ли это была случайность. Чья разведка работала лучше?..

Был и такой случай

Старалась нести службу добросовестно, но у меня был и позорный случай, хороший урок на будущее. Смена моя подходила к концу, когда к посту пришла машина совсем без документов – новенький студебеккер, с передовой. В кабине офицер, наверху несколько бойцов. Приехали в штаб второго эшелона армии по срочному делу.

В сорок третьем у нас стало больше самолётов. И. что особенно заметно нам – автомашин. Появились новые студебеккеры, потому часто ещё без документов.

Начальника поста не было, и я решила, сменившись, съездить с ними. Они обещали в штабе взять разрешение.

Конечно, им было не до того, быстро решив своё дело, поехали назад, на передовую. Но – другой дорогой, минуя наш пост. Я стояла на подножке, старалась повернуть руль в нужную мне сторону. Дорога пустынная, никого нет.

Они остановились, взяли меня «под белы ручки», сняли с машины, и продолжили свой путь. Я направила в их сторону свой карабин, пригрозила, что буду стрелять. Они в ответ пригрозили автоматами...

Фото 10. Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский

Поле со скошенной пшеницей, сложенной в крестцы... Уткнулась я в пшеничку, поплакала, пошла «домой».

Вскоре, офицер легковой, когда сказала, что задерживаю, дал приказ водителю ехать. А нам, дежурным КПП, как раз поменяли карабины на пистолеты. Я получила престижный «Т-Т». Взяла в руку: «Буду стрелять!».

Считала: решил дело пистолет. Теперь понимаю, – пост. На посту я – неприкосновенное лицо, обязательное для послушания. Тогда, посреди дорог, – никто... Лишнее доказательство армейской дисциплины в годы войны.

Позже событие ещё больше подкрепит мои слова.

Наш путь (фото 11)

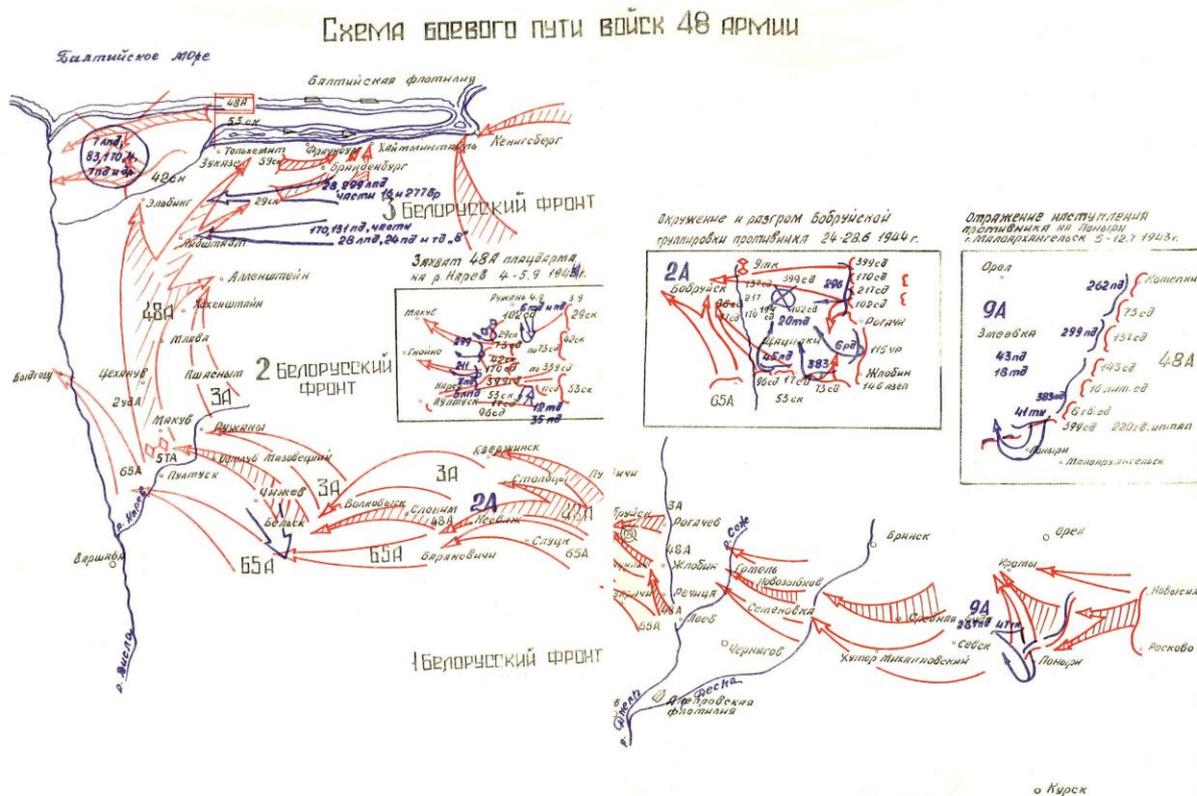

Фото 11. Схема боевого пути войск 48 армии

Очень жалею, что не делала записей, потому не всё хорошо помню. После пыльного перекрёстка стоял наш пост на окраине Сум, Середины Буды: редкие случаи, когда пост ставили в городах, хоть и небольших. Во второй половине сентября несколько дней мы стояли в Новгороде Северском. Город на Десне освободили 19 сентября, мы приехали на другой день, ещё оставались следы боёв. Поваленные столбы с электрическими проводами, разрушенная водоканалка, почта, жилые дома...

Город на крутом берегу, перед ним пойменный луг (как раньше в Воронеже). Длинный мост – два километра – перед отступлением немцы сожгли. Издали город казался чистеньким и мирным – много белых церквей. Жители рассказали, что здесь в 1941 году устроили лагерь военнопленных. От холода

и голода медленно умирали 20 тысяч. К весне сорок второго года живыми осталось около двух тысяч, их куда-то угнали.

Я уже говорила, – мне почему-то этот город всегда вспоминается с песней «Случайный вальс». Помните:

...Я услышал мелодию вальса,
И сюда заглянул на часок.
Хоть я с вами совсем не знаком,
И далёко отсюда мой дом,
Но как будто бы снова возле дома родного...
В этом зале пустом мы танцуем вдвоём,
Так скажите хоть слово... Сам не знаю, о чём...

Тогда в прифронтовой полосе, услышав мелодию из чужого дома, легко можно было зайти к незнакомым людям... Тянулись друг к другу, Что это? Фронтовое братство? Понимаем, что мы, люди, нужны друг другу, когда нам становится плохо, трудно? Не случайно во время войны были добрее, заботливее, особенно к детям. Сколько воспитанников–сирот оставляли у себя в частях фронтовики!

Как правило, и о девушках в армии заботились, называли – сестрёнка! Чувствовала заботу и я. Не только тогда, в роте дорожников. Когда стали регулировщицами, все мы тоже. Никогда не слышали грубого слова, «нестандартного» выражения. А ведь мы были среди шоферов, казалось бы, невоспитанных людей!

И в нашей части, если нужна землянка, бойцы для нас выкопают. Нам всегда отводили отдельные дома, только для нас одних. А если это невозможно, лучшее место обязательно за нами.

Однажды в Белоруссии, Городок – полностью разрушен, осталось всего несколько домов. Ночью бойцы спали даже под столом. Хозяйка – на печке. А нам выделили единственную кровать. Хорошо, что большая, широкая – мы вчетвером лежали «валетами». Когда ночью приходили с поста, долго выбирали, куда поставить ногу. Так тесно спали, прижавшись друг к другу, бойцы.

«Девушка на войне, на фронте», это отдельный, и не простой вопрос. Об этом позже...

Праздник

Очередную годовщину Октября отмечали в Злынке. Руководство армии собрало представителей из разных частей на доклад, потом концерт художественной самодеятельности. Маруся дежурила, а Настя и Нина отдохнули всласть. Здесь я поняла, как они грустили по мирной жизни. Оказалось, возили с собой домашнюю одежду. С какой радостью готовились к выступлению, гладили свои платья! А потом лихо на сцене отплясывали под баян! Тогда мне стало особенно понятно, как тяжела девушкам война. Наверное, потому что молода, – мне было, хоть и тяжело, но необычно, потому даже в чём-то интересно.

Празднование продолжилось в Добродеевке, где разместился наш пост, и штаб второго эшелона армии. Совпало празднование и Октября, и освобождения. Село небольшое, с двух сторон – музыка, пение. На одном краю собрались на прощальный костёр сельские партизаны. Издали смотрела на них с восхищением. Воевать, когда кругом враги, когда нет тыла, – мне кажется очень страшно.

С другой стороны села танцевали воины 16-ой Литовской дивизии. Девушки наши – нарасхват. Меня тоже пригласил молодой литовец. Я тогда танцевать не умела, запомнила навсегда: «Вы не знаете половины радостей жизни». Помню полное лицо интеллектуала и своё скептическое отношение к его словам. Тогда была очень серьёзная, можно сказать, «синий чулок». Радость танца, особенно – вальса, поняла много позже...

Времена меняются. Тогда литовская дивизия, её воины, сражались вместе с нами против общего врага – фашистов. Как получилось, что мы теперь называемся «оккупанты»? Кому-то это нужно...

О любви

В Добродеевке мы стояли долго – почти месяц. Здесь Настенька влюбилась. В коменданта нашего селения. Сначала он стал к ней равнодушен. Не удивительно – красивая девушка.

Ещё когда мы стояли в Теляжье, на неё обратил внимание начальник нашего поста – лейтенант Зайцев. Она пожаловалась. Его перевели на другой КПП, к мужчинам. В армии не поощрялось сближение с девушками.

О взаимоотношениях мужчин и девушек в армии много разных слухов, разговоров... Трудная тема...

С высоты (или – глубины) своих лет, скажу, тогда строже были требования к интимным отношениям. Гражданская жена сейчас – почти норма. В армии это называлось презрительно – ППЖ: – полевая походная жена. Но многие такие браки сохранялись всю жизнь.

Были живые люди. Была и большая любовь, и легкомысленная связь. И обман. И предательство. У высокого начальства бывали красивые девушки, не у всех, – не знаю, как они числились – ординарцы? Иногда проезжал такой генерал мимо поста, на заднем сидении свернувшись клубочком, – девушка. В шерстяной гимнастёрке, ухоженная... Мы, – в больших сапогах, шинели, в непогоду на дороге, озябшие... Но не завидовали, жалели этих девушек. Не все выдерживали тяготы фронтовой жизни, этим пользовались.

Только любовь на фронте была. Настоящая, большая. Я уже говорила немного, часть повторю. Переезжал наш КПП с попутной автоколонной. Разместились по кабинам. Водитель сначала недружелюбно посмотрел на меня, поехали молча. Снежная дорога в молодом сосновом лесу, небо в звёздах, узкая полоска месяца... Впереди машина остановилась. Водитель пошёл узнать, почему стоим.

«Уснул дружок, вторую ночь не спим». «Нам часто приходится работать ночами. Трудно – хочется спать. А мне даже лучше ночью». Летом, когда часть стояла на одном месте, полюбил девушку, она его – тоже. Как он гово-

рил о своей любимой! «Больше и смотреть ни на кого не хочу, всегда теперь с ней. Еду, разговариваю, ночью даже лучше – никто не мешает. Она и сейчас здесь, со мной. Кончится война, приеду – поженимся!».

Снежная дорога в сосновом лесу, небо в звёздах. Узкая полоска месяца... Колонна машин везла очередной груз на передовую линию фронта...

Наш комсорг Щербинин тоже полюбил девушку в России по дороге на Запад. Кончилась война, приехал, женился, дальше всегда вместе.

В нашей части полюбили друг друга две пары. Девушки уехали к родителям избранников, родили сыновей. Он раньше ушёл из жизни. Она ушла совсем недавно.

Знаю ещё несколько сохранившихся пар.

Но если даже любовь была непрочная, прошла... Всё-таки она была! Фронтальная жизнь висела на тонком волоске. Не знаю, чем бы кончилась любовь у Насти. Только Настя погибла: осколок снаряда долетел до нашего КПП. Чаще всего пост ставили в 10-15 километрах от фронта. А бывало – росчерки Катюш пролетали над нашими головами.

Много девушек не дожили до Победы...

Нашу красавицу Нину полюбили двое – артист армейского ансамбля и старшина батальона. В начале войны ансамбли песни и пляски были, наверное, при каждой армии. Но, примерно, в половине сорок третьего года, ансамбли расформировали, стали нужны солдаты для сражений. Связь потерялась. Старшина был рядом. Пришёл срок, и Нина уехала домой, родила двух сыновей. Война окончилась, старшина приехал к Нине, но мама отправила: «Тебя всю войну ждали твои жена и дети, поезжай к ним. Мы сами воспитаем». Вскоре Нина вышла замуж, вырастила своих мальчиков. Последнее письмо от неё получила в конце девяностых. Писала, что болеет – сахарный диабет, давление...

У Маруси получилось иначе. Командир добился близости, в своё время уехала домой. В последнем письме написал: ожидаются большие бои, останется ли жив? Больше писем не приходило, на вопросы часть не отвечала... Родилась дочка. Много позже корреспондент заинтересовалась судьбой. Стало известно: банальный случай – появилась другая. Маруся в это время уже умерла. Корреспондент пыталась познакомиться с дочкой, не захотел ничего знать.

Я тоже примерно в это время узнала, что он жив, два сына от новой женщины. С дочкой Маруси Зиной стараюсь поддерживать связь.

Интересно – люди вроде бы осуждали, – была в армии, а замуж брали охотно, даже неженатые парни. Дочка Маруси – Зина – сказала, – Марусю сватали парни, но она отказывала. Ждала своего Дуняткина. Вышла замуж через несколько лет. Муж очень любил Марусю. Умерла молодой – рак. Когда умер, просил похоронить в той же могиле, вместе.

О жизни однополчан после войны можно прочитать в нашей совместной книге с Т. Силкиной на сайте профкома ВГУ: «Ещё о войне. Эстафета памяти» [1].

Добродеевка – селение, рядом с которым стоял запасной полк. Я понравилась его старшине. Он стал приходить к нам на квартиру, проявлять знаки

внимания. Наша хозяйка (это у неё в подполе мы потихоньку брали картошку) поначалу была сурова, потом стала к нам относиться хорошо. Она говорила: «Галя, смотри, у него жена дома, ему уже 28 лет, он старый». Мне он совсем не нравился. Но первый поцелуй в моей жизни был его. Сработала настойчивость старшины, а, главное, – моё любопытство. Сколько стихов, песен о прелести поцелуя! И была разочарована. С тех пор знаю – поцелуй приятен от любимого человека, от того, кто дорог...

В Добродеевке был случай, мои девочки очень смеялись. Однажды проезжий корреспондент, когда проверяла документы машины, спросил, можно ли сюда приехать. Я сказала что-то вроде – конечно, приезжайте. Видимо, он понял это как моё приглашение. Через несколько дней девочки ушли гулять, я дома разговаривала с водителем машины начальника Дорожного отдела армии. Он почему-то стал приходить к нам часто. Лет сорока, не ухаживал. Тогда не понимала, почему приходил.

Так вот, мы разговариваем, и является тот корреспондент. Как он нашёл адрес? Но село небольшое. Он с портфелем, через руку перекинут плащ. Улыбается. Я совсем не ожидала, смутилась. Вообще меня легко привести в смущение – не знаю, как себя вести. По моему виду понял, но сдаваться сразу не захотел. Попросил проводить. Вышли с ним на крыльцо. Небо звёздное. Он говорит: «Смотрите, какие звёзды!». Я в ответ: «Ой, холодно! До свидания!». Девочки от души посмеялись над незадачливым ухажёром. И надо мной, конечно, тоже.

А загадка с водителем Ткачёва, кажется, разъяснилась много позже. Двадцать пять лет после победы мы отметили у нашего комбата – пришли его поздравить (фото 12).

Фото 12. Встреча однополчан через 25 лет после Победы. Слева направо стоят: Рукин С.К. Кузнецов, М.П. Щербинин, Г.Д. Данилков, И.Р. Шепелев; сидят: К.И. Юрьев, Н.И. Юрьева, И.Я. Семёнов (комбат), Г.С. Эрдели, Баженов

Он жил с дочерью и внуком, жены уже не было, тяжело болел. Я стала приходить его проведывать. Он как-то сказал, что узнал – начальник Дорожного отдела армии Ткачёв хотел меня к себе «приблизить». (Видимо, шофёр разведывал, есть ли такая возможность). Иосиф Яковлевич сказал Ткачёву, что если..., то он будет иметь дело с ним. Вряд ли случайно после этого Семёнова перевели в другой батальон? Это я уже сопоставила из фактов. Угроза подействовала... Я ничего тогда и не узнала.

Кстати, второй в моей жизни поцелуй – комбата... После того, как папу ранило, и мы собирались уезжать из армии, зашли с мамой к Семёнову попрощаться. И он попросил у мамы разрешения меня поцеловать. Его нежный поцелуй тоже оставил равнодушной. «Я для тебя никогда не был мужчиной», сказал, когда к нему приходила в дни его болезни. И это было правдой.

О своей влюблённости в горьковчанина Скобелева, уже рассказала. Позже мне понравился пехотинец Василий Серостанов. Пост стоял в Ильмовке Добрянского района Черниговской области. Кажется, в ноябре, дня три в селе жили фронтовики-пехотинцы. (Напряжение в окопах снимали для бойцов кратким отдыхом).

По вечерам собирались несколько человек около нашей хаты, у небольшого костерка. С девушками шутили до поздней ночи. Война рядом, несколько дней передышки. И разговоры о самом мирном... Ни слова о сражениях, войне. Может, теперь это кому-то покажется странным.

Василий подарил мне книжку без конца и без начала – письма Пушкина своей Натали. Очень берегла, но в пятидесятых она пропала: кто-то взял почитать. Запомнились слова поэта: «Люблю тебя, мой ангел. Но ещё больше люблю твою душу». Примечательные слова... Получила от Василия письмо: все вспоминают наши вечера у костра, кто-то особенно Настю, кто-то Нину. «А я – о, моя мелюзга!». (Ему было лет двадцать пять). Меня не принимали всерьёз. Грамотное письмо, очень красивый, каллиграфический почерк. Было ещё письмо, потом молчание... Остался ли живым?

И ещё к вопросу о любви. Последнее дежурство, завтра уезжаем. Проверяю путёвку легковой машины, знакомой – часто проезжает мимо. Говорю, – проверяю в последний раз. Водитель посетовал, что с ним нет его командира. «Он всегда хотел проезжать мимо вашего поста, чтобы посмотреть на вас». Я вспомнила молодого, серьёзного майора. Пожалела, что не познакомились. Может, то была моя судьба? Конечно, хотелось полюбить, кто из девчонок не мечтает об этом? Не получилось... Всегда хотелось или настоящего, большого чувства, или – ничего не надо...

Много позже услышала: при выборе близкого человека нужна последовательность. Сначала – по внешнему виду. Должен понравиться внешне. Не обязательно красивый, но, для тебя, – симпатичный. Дальше непременно близость душ, она очень важна. И только потом, третье – близость телесная.

Если есть все три условия (обязательно в указанной последовательности) – значит, выбор навсегда. Я всегда считала важным второе условие. Сама считала бы, что первое – интерес – должен быть интересен, как человек. Затем –

должна прийти нежность, душевная близость, только потом – страстность. Третье – ненадёжно, а интерес и нежность, душевная близость – на всю жизнь.

В армии получила много важных уроков. Когда приехали в часть, меня все вокруг считали ребёнком, не обращали внимания. Но дети очень наблюдательны, и делают выводы, часто на всю жизнь. Тогда поразило, не понятно и сейчас. Видела, как за девушкой очень ухаживал молодой боец. Добивался взаимности, так был внимателен и почтителен! Но когда взаимности добился, куда делись и внимание, и забота? Появилось даже какое-то пренебрежение... Казалось, должно быть наоборот! Позже заметила, что это всегда так. Во всяком случае, иначе не встречалось. Урок навсегда...

Расстрел дезертира

В Добродеевке памятно прискорбное. Рядом, в посёлке Пильня, стоял запасной полк. Туда позвали – показательный расстрел дезертира. Пригласили посмотреть всех, кто в это время находился в селе.

Народа пошло много. Конечно, дезертировать позорно. Но, даже зная понаслышке, что такое бой – этого человека жалко.

Если бы не война! Если бы не война, после школы, может, пошёл бы работать на завод, или дальше учиться, в институт. Стал бы учёным, женился. Растил бы детей, читал, а, быть может, и писал бы книги!

Как складывается жизнь, многое зависит не только от нас самих... Пришла война – время испытаний суровых. На прочность сил и физических, и моральных. Каких-то не хватило... Расстрел – убийство. Оправдания юридические есть, но на душе всё равно горько. Смотреть на тяжёлое действие никто из нас не пошёл.

Страшное время – война

Горькие следы войны мы встречали в освобождённых сёлах Орловской. Курской области, на Брянщине, и в Белоруссии, – повсюду на нашем пути...

Сейчас высказываются сомнения о Холокосте. Мы были свидетели: войдя в село, фашисты собирали всех, от мала до велика, евреев, цыган, во многих случаях даже семьи коммунистов. Расстреливали, или угоняли в свои лагеря.

И видели большую человечность обычных людей. С риском для жизни помогали чужим детям.

В Белоруссии видели старых женщин, прятавших у себя еврейского мальчика. Соседка занесла маленького ребёнка, попросила сохранить. «Чую, гонят нас на гибель. Может, хоть он останется живым?». Их далеко и не погнали, за селом всех постреляли. Малыш остался жив, но женщины очень боялись. В их селе евреи тоже оставили мальчика соседям. Фашисты узнали, застрелили всех, прямо в хате, и ребёнка, и хозяев.

На нашем пути встретились два села, сожженных вместе с живыми людьми. Закрывали в домах, забивали досками, чтобы не выскочили, поливали бензином – поджигали. Партизанский край. Фашисты ненавидели и боялись

партизан. Сожгли с живыми людьми в Белоруссии и Смоленской области около четырёхсот сёл.

В нашем случае в одном селе уцелел старик – он уходил к партизанам, его не было дома. В другом селе осталась жива девушка. Запомнился отрешённый взгляд, волосы, выбившиеся из-под платка. Сидела одиноко в стороне. Говорили, – потеряла разум. Неудивительно...

В ходе Нюрнбергского процесса после войны стало известно, что гитлеровцами уничтожено и расстреляно на территории РСФСР 1 793 000 человек, Украинской ССР – 4 497 000, Белорусской ССР – 2 198 000, Латвийской ССР – 644 000 человек [9].

Не могу не рассказать о судьбе моей детской подруги, Иры Гуровой. Она оставалась с матерью, отцом и братом, моим ровесником, в Воронеже. Фашисты выгнали всех. Мужчин гнали в одной группе, женщин и детей – в другой. Рассказывали, что отца с Володей видели, у отца началась дизентерия. Он уговаривал сына бежать. Тогда ещё было можно – шли между высокой кукурузы. Сын не захотел оставить больного отца. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Ира с матерью шли в другой группе. Прогоняли через небольшой мостик. Народа много, часть шла рядом с мостом. Женщины и дети – прикрытие. Прямо по людям, пустили танки. Ира шла под мостом, по щиколотку в розовой от человеческой крови, воде...

Им с матерью удалось бежать, спрятаться в высокой кукурузе. В каком-то селе приютили, там жили до освобождения. Незнакомые стали родными. Таких случаев называют много. Доброта побеждает, и проявляется, казалось бы, в чёрством человеке. Может, для этого и нужны суровые испытания?..

В Ильмовке

Здесь мы тоже стояли долго. Познакомились с местными девушками. Особенно запомнилась Таня Гулак – красивая, черноглазая, чёрные косы... И очень хорошо пела. Я от неё узнала несколько украинских песен. Особенно понравилась «Повий витре на Вкраину...» Талантливая девушка, как сложилась её жизнь?

Обычно наш пост следовал за фронтом. Переезжали на новое место на другой-третий день после освобождения, вместе со штабом второго эшелона.. В этот раз фронт передвигался, а наш пост оставили. Вскоре после Курской дуги: завезли близко к передовой много боеприпасов, имущества. Передовая ушла вперёд, тылы не успели подтянуть. Наш пост временно превратился из КПП в пост регулирования, показывать дорогу к складам.

Остались в селе только склады, и наш пост, все переместились на запад. Меня назначили начальником поста. Комбат Семёнов вызвал к себе, говорит: «Остаётесь вы одни. Будьте внимательны. Здесь среди населения есть бандеровцы».

У нас в Добродеевке появилась новая регулировщица – Валя. Имя помню, фамилию забыла. Ей 24 года. В нашем тогда представлении – почти ста-

руха. Отличалась от нас своей женственностью, какой-то мягкой безжизненностью. Мы в сравнении с ней – грубоваты... Держалась от нас обособленно.

Ночью пришли проверять наше дежурство. И нашли её спящей в будочке, карабин рядом. Выстрел разбудил и Валю. И меня. Я тоже оказалась не на высоте – надо бы самой дежурить вместе с ней! Стыдно было очень! Не умею я руководить, не тот характер. Но, когда стояла на посту, все водители слушались исправно. И я была другой – требовательной!

Бандеровцы не напали, обошлось благополучно. Через несколько дней догнали своих.

Промахнулся?

В свободное от дежурства время мы часто выполняли и другие поручения. Однажды в начале зимы мне поручили собрать население. Надо на полях около дороги установить щиты – снегозадержатели, чтобы снег не заметал дорогу. Тогда ещё не было лесных полос, их создали позже: «Сталинский план преобразования природы». До пятидесятых годов ставили щиты около дорог, и на полях. Тогда ветер не сметает снег, весной он постепенно тает, задерживается влага.

Пошла я по селу собирать женщин. Бросали свои домашние дела, шли к школе, где сбор. Собралась довольно большая толпа женщин и подростков, как вдруг, над нами, низко, бесшумно, – самолёт. Сначала услышали барабанную дробь пулемёта. Заметили, как градины пуль поднимали снежную пыль рядом с нами, на другой стороне улицы... И увидели хвост самолёта с крестами.

Быстро все оказались в школе, но самолёт не вернулся. От неожиданности не успела испугаться, уже в школе противно задрожали колени. До сих пор жалею, что не взяла в руки карабин, не стала стрелять. Правда, уже только в хвост...

Немецкий лётчик промахнулся? Или решил попугать?

Новый гимн

Новый, 1944-ый год, встречала на посту. Помню не очень холодную, ясную, ночь, без луны, но с яркими звёздами...

В январе ввели новый гимн СССР на слова С. Михалкова и Г. Эль-Регистана, музыку А. Александрова. Музыка осталась от гимна партии большевиков. Гимном партии большевиков стал «Интернационал».

В штабе армии собрали из разных частей бойцов, раздали текст гимна, чтобы стал известен всем. Меня тоже назначили представителем, для знакомства... Мне музыка хорошо известна – мы в хоре пели этот гимн.

Учили бывшие артисты ансамбля нашей армии. Он уже был расформирован. Отбирали для передовой и из нашего батальона, тех, кто помоложе. Наш комсорг Щербинин тоже стал фронтовиком.

К нам поступало пополнение после лечения в госпиталях. И освобождённых красноармейцев из гитлеровского плена. Они попали в плен в первые месяцы войны. Особенно запомнился старший сержант-регулировщик. Мне казался немолодым, наверное, потому, что был сутулый, погнувшиеся плечи, усталые, но добрые глаза. Запомнились его слова: «У Гали огнёвые глаза». Почему – огнёвые?

Относились к нему в части доброжелательно, но несколько насторожённо, знали, какой обработке подвергались наши бойцы в плену...

Дополнительные посты

В свободное от дежурства время нам часто приходилось выполнять и другие поручения, стоять на дополнительных постах.

Помню один пост зимой в Белоруссии. Два села разделяет холм. В сёлах – госпитали. Наверху холма – кладбище, общее для двух сёл. Зима морозная, могилы готовили, – копали, заранее. А рядом стою я с флажками... Помёрзла, попрыгала всю ночь. И зря – машин не было. Утром, когда возвращалась с поста, догнала меня полуторка. Полон кузов бойцов. А идти километра два-три по мёрзлой дороге не хочется. В кузов к бойцам, – они приглашали, – тоже не хочу. Встала на подножку, уцепилась за дверцу – поехали! А мёрзлая дорога, как волны моря в непогоду, – еле держусь... Доехала благополучно.

Второй раз тоже в Белоруссии. Только сменилась, надо идти на другой пост, километра за три. Конечно, идти не хотелось, наступала ночь. И погода – снег с дождём.

Но – отказаться нельзя! Девушки могли сослаться на усталость, нездоровье, я не имела права. Мне ведь было легче, чем другим – с папой, мамой! Пусть не рядом, но всё-таки знала, что в случае чего, они помогут. Не хотела быть «папенькиной дочкой».

Помню, в начале службы на КПП, папа верхом объезжал посты, заехал и к нам. Как мне хотелось попросить сесть на коня! Лошадей люблю с раннего детства. Но не смогла даже заикнуться – во-первых, я на посту. А кроме того, девушки, наверное, тоже хотели бы покататься!

Начальник поста знал мой настрой – дополнительная нагрузка почти всегда бывала за мной.

Отправилась по назначению. Я в полушубке (зимой нам выдали новые, красивые полушубки), поверх – шинель. Машин попутных нет, иду пешком. Дорога – месиво снега и льда, лужи...

Здесь пост был необходим. Дорога через мост. Мост закрыт – ремонт. Можно ехать другой дорогой, но она простреливается – опасно! Все хотят ехать здесь.

Мост под горой, сверху не виден. Чтобы проверить мои слова, надо спуститься, посмотреть. Значит, машины будут ждать наверху – около моста, внизу не развернуться. А допустить скопление машин нельзя... Здесь мне пришлось побегать!

Четыре часа пролетели быстро. Сменил меня боец. Ещё через четыре часа должна вернуться. А пока – поспать. Селение разрушено почти полностью. Освободили совсем недавно. Выкопали жители себе землянки – ямы. Вместо кровати – уступы из земли. Сверху накрыли, дверь – одеяло.

Постелила я себе в узком проходе между «кроватями» полушубок, накрылась шинелью. И, как провалилась, – сразу уснула. Казалось, – только что легла, а когда глаза открыла, – вижу – совсем светло. Я же должна была вернуться на пост, сменить бойца, ещё по темноте! Стало страшно и стыдно, – кого же я так подвела?

Оказалось – меня пожалели, взяли ещё бойца из роты. А меня отправили «домой».

Русские печи

Через несколько дней наш пост приехал в этот Городок. Дорога запомнилось навсегда. Слева – безлистные деревья бывшего парка, белые статуи физкультурников. С правой стороны то, что ещё дня два назад было селением. Теперь – стоят русские печи. Фашисты, отступая, старались всё сжечь. Вереницы печей, их трубы нас встречали, как почётный караул.

На поле барашками снег. Низко над землей мчатся тёмные облака... Холодно и неудобно, безлюдно. Вдруг – около одной печи – женщина и двое маленьких детей, прижались к печке. Повязаны шерстяными платками. Женщина берёт ухват, открыла заслонку, достаёт ухватом чугунок...

Такой мирный жест около символа уюта – русской печки. Но – в чистом поле... Сколько надо было сил, чтобы всё это пережить! Выстоять, и начать сначала...

Мост, около которого я дежурила, починили. В этот раз мы переезжали на своей машине, со своим водителем. Наша новая регулировщица – шофёр. Постарше нас, лет тридцати. Внешне грубоватая, но очень добрая, мы все её любили. Маруся очень огорчалась, она, шофёр, служит в «военной милиции». Ей это казалось предательством по отношению к водительскому братству.

Машина – полуторка, очень старая. Мы её задержали совсем без документов, за ней никто не приехал. На неё погрузили наши плакаты, будочку, сели сами, Маруся нас повезла.

Добрались до моста благополучно. Но когда стали подниматься на крутую гору, машина поломалась. Заглохла, и стала медленно пятиться к реке. Хорошо, что Маруся – хороший водитель, сумела остановить на половине дороги, около речки. Сказали, что лопнул блок-картер.

Я рассказывала, – в этом Городке мы спали вчетвером на кровати. И ночью, возвращаясь с поста, долго балансировали на одной ноге, выбирая место, чтобы не наступить на спящего бойца.

В болотах Белоруссии

Зима 1944-45 года в Белоруссии, под Бобруйском, была тяжёлой. Ночью – мороз, одевали валенки. Начинало светать – появлялись лужи. Когда воз-

вращались с поста, – вода в валенках хлюпала. Здесь тоже фронт долго стоял на одном месте – болота не давали пройти мощной технике. А мы однажды едва не сгорели.

Пост стоял в нескольких километрах от станции Жердь. На развилке дорог, далеко от села. Вырыли нам бойцы яму. Сверху лапника накидали, солома – матрац. И железная печурка рядом.

Пришли мы с поста, поставили валенки около печки, легли спать. Но поставили неудачно, один валенок стал тлеть. Могли задохнуться, к счастью, Настя пришла, всё разбросала...

Испугался наш командир, перевёл жить в село. Начальником ещё летом назначили старшину Барышникова, вместо лейтенанта Зайцева (я говорила – тот пытался поухаживать за Настей). Зимой в полушубке можно без погон. И мы его называли «Товарищ начальник», не по званию, – для престижа. Начальником КПП должен быть офицер.

Барышников для нас был хороший товарищ. Мы его уважали и слушались, старались поддерживать авторитет.

«Меткий» выстрел

Здесь, когда мы уже стали жить в селе, прошло испытание моего характера. И не только. Помните, говорила, что на посту я – командир, лицо, которому обязаны все подчиняться? И могу не выполнять приказы постороннего начальства!

Так вот. Дело было 22 февраля 1944 года. В батальоне праздновали День Красной армии. Недалеко от нас, потому все, кто был свободен от дежурства, ушли в батальон. На посту оставались мы с Марусей – шофёром, мы всегда теперь стояли с ней вместе.

Дежурство проходило спокойно. Неожиданно быстро помчалась машина, на красный флажок не обращала внимания. У меня в руке пистолет, стреляю в воздух! Не остановилась. Забегая вперёд, скажу, – когда возвращались обратно, подъехали ко мне, объяснили, – везли только что тяжело раненного командира, – сказали – Черняховского, в госпиталь спешили.

А вскоре около поста появилась группа бойцов, что-то искали. Видно, нашли. Подходят ко мне, спрашивают – «Стреляла в воздух?». «Стреляла». У них в руках телефон. В трубку говорят: «Нашли, выстрел на посту». Что-то ещё поговорили, подзывают меня: «Майор вызывает».

«Почему стреляла?». – «Объясняю». – «Хорошо, сейчас приедешь ко мне, напишешь объяснение». – «Я на посту, никуда поехать не могу, не могу оставить пост». – «Ерунда. Вас там двое, одна останется, ты приезжай. Сейчас пришлю санки». Дальше слушать не стал, бросил трубку. Он привык к послушанию – все подчинялись командованию этого рода войск.

Стоят около нас с Марусей молодые, здоровые мужчины. Подъехали на санях ещё двое, всего человек семь. Прижались мы спиной к будке, оружие наизготовку...

Они уговаривают, чтобы поехала. Но активно действовать не хотят – бо-
ются. И неудивительно – взять с поста насильно – преступление. Но не выпол-
нить приказ командира – тоже страшно.

И я боюсь, – вдруг они всё-таки попытаются? Держу в руке пистолет,
Маруся грозит винтовкой. Стоят около меня свои, родные люди. Неужели
придётся стрелять? Страшно. Часто думала потом, – смогла бы выстрелить?..

Сама говорю: «Сменюсь с поста, тогда... А пока я на посту, покинуть
пост не имею права. Начальник придёт, тогда могу поехать».

Стоим, уговариваем друг друга.

Слышу – люди идут, песни поют. Это наши возвращаются из батальона
после празднования. Подходят. Я начальнику по форме, официально, начинаю
докладывать. Барышников похлопывает по плечу – «Знаю, знаю, всё в поряд-
ке». «Нет, как раз нет порядка». Рассказываю, что ждут, когда сменюсь, чтобы
ехать с ними.

«Никуда не поедешь! С поста не сменяю, будешь всю ночь стоять. А они
пусть только попробуют применить силу!».

Постояли связисты ещё немного, уехали. И меня сразу же заменили оче-
редной дежурной, мой срок дежурства кончился.

На другой день связисты приехали, просили подписать акт, что это я,
выстрелив в воздух, нечаянно перебила провод. А в это время разговаривали
командующий фронтом К.К. Рокоссовский с командующим армии П.Л. Рома-
ненко (фото 13). Помеху сразу же устранили, перевели на другую линию, но
Рокоссовский спрашивал о причине.

Так что я косвенно была связана с Рокоссовским! Человеком, которого
глубоко уважаю.

**Фото 13. Романенко П.Л.
(слева) и Рокоссовский К.К.**

Трагический день

23 февраля 1944 года день трагический, хотя мы тогда этого не знали. В
этот день, подготовленная в глубокой тайне, прошла операция по переселению
народов Северного Кавказа, Калмыкии, Крымских татар... В один день всех

увезли из своих домов глубоко в тыл России. Конечно, это было очень тяжело многим людям. Но – необходимо для успешного ведения войны, для победы.

Еще осенью слышала разговоры военных, ожидавших попутные машины. Они сетовали, что отдыхавшие бойцы, резерв, в тылу, страдали от набегов на них местных жителей. Погибало в таких случаях немало. В Крыму татары проводили немцев тайными тропами, по катакомбам, в тылы наших войск.

Идёт война. Разбираться, кто из населения помогал нашим врагам, некогда. Пришлось переселять всех. Конечно, это отняло много сил. Люди, транспорт, вместо участия в боях, снабжении фронта, занимались подготовкой и проведением такой масштабной операции! Но было совершенно необходимо.

Знаю, что население России встречало переселенцев тепло, помогали, чем могли.

Окончание военной службы

Февраль сорок четвёртого года – трагический месяц и для нашей семьи: тяжело ранен папа. Пуля вошла в руку, повредила кость, потерял много крови. Руку оставили только потому, что считали его безнадежным. Отправляли в тыловой госпиталь.

В батальоне решали, что делать с нами. Мы ведь были не совсем законно. Маму и брата однозначно отправляли в тыл. Со мной сложнее. Одни хотели направить в офицерское училище, потом назначить начальником КПП. Такая перспектива совсем не привлекала, но уезжать не хотелось. Мои подруги оставались, и я чувствовала себя предательницей.

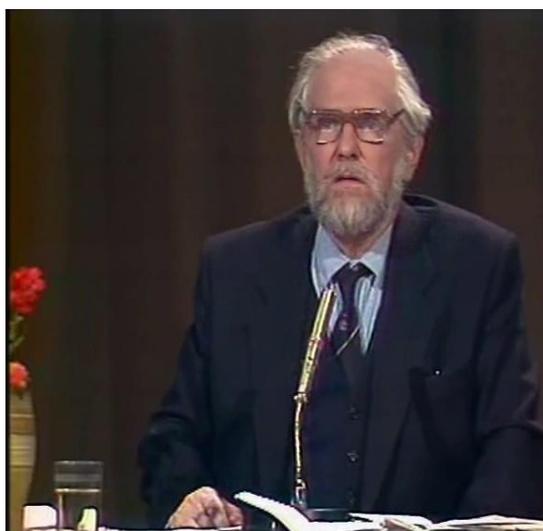
Другие хотели в мои 17 лет отправить меня учиться дальше. Инженер-капитан Глазко советовал поступать в медицинский институт. «Ничего, что только семь классов. Там сейчас неразбериха, а вы с фронта. Лучше медицины ничего нет!».

Я с детства хотела знать, как живёт растение, медицина совсем не привлекала. Но не стала спорить, знала, всё равно учиться придётся не скоро. Надо работать, заботиться о больной маме и брате-школьнике. Найти папу, знать, что с ним.

Уезжать очень не хотелось, но не могла бросить родных...

Перед отъездом взяла открепление по комсомольской линии у нашего комсорга Андрея Васнецова. Он сменил ушедшего на передовую Щербинина.

Андрей – тогда юноша 19-ти лет. Высокий, сероглазый, скромный, несмотря на знаменитое родство: племянник Виктора Васнецова («Алёнушка», «Три богатыря» и др.). Андрей стал народным художником СССР (фото 14), лауреатом Госу-

Фото 14. Андрей Владимирович Васнецов

дарственной премии СССР, членом-корреспондентом Академии Художеств СССР, профессором, премия Президента Российской Федерации, Председателем правления Союза художников СССР...

Его работа в части ценилась очень высоко. Не только лозунги по дороге, около будок регулировщиков (фото 15). Главное – написание и постановка указателей на дорогах. В те годы около населённых пунктов не было надписей с названием села. Регулировщиков около каждой развилки не поставишь. Написанные красивыми, крупными буквами, стрелка указывает направление, – указатели очень помогали скорой доставки грузов на передовую.. Особенно, когда пришли на чужую землю, с чужим языком... Кажалось бы, скромный вклад Андрея в победу был замечен. Его очень уважали и берегли.

Фото 15. Регулировщик. Курская дуга. (Этюд А. Васнецова). Установка регулировщиками столба – указателя дороги

Москва весны сорок четвёртого года

Ехать собрались к нашим друзьям, с которыми жили много лет в одном дворе – Комаровым и Юдиным. О них расскажу позже. По дороге заедем в Москву, попробую найти папу, сказали, что увезли в московский госпиталь.

Наш путь после армии начался в первые дни марта из района Речицы. Приехали в Москву – лужи... Оставили вещи в камере хранения. Пошли сначала к Васнецовым. Андрей просил передать письмо домой. Когда его мама услышала, что мы от Андрея, закричала кому-то: «От Андрюши!». Запомнился такой тревожный и радостный голос!

Остановились у сестры Виктора – воспитанника бабушки, – Сони. Я подробно писала, как у сослуживца дедушки остались осиротевшие за неделю пять детей – две девочки и три мальчика («Детство» [2]). Сослуживцы и дальние родственники разобрали их в свои семьи. Связь между детьми и воспитателями сохранялась все годы. Бабушкин воспитанник Виктор умер в Воронеже перед войной уже седым. Вторая сестра умерла недавно, от недоедания. Старушки в Москве голодали.

Соня встретила радостно, подарила тетрадки, разные бумажные вещицы, и записную книжку, почти чистую, своего друга. В ней впервые в жизни, стала делать записи – мой первый дневник, начало «писательской деятельности». Здесь в первый раз захотелось рассказать о чём-то другим.

Не могу удержаться, приведу из дневника несколько записей.

«Села на трамвай 10 номер, поехали. Мимо Кремля, видели двое ворот в Кремле, храм Василия Блаженного, мавзолей...». Тогда мимо Кремля ходили трамваи.

«А вечером удалось увидеть очень красивое зрелище: салют. В 11 вечера ударили пушки – из 224 орудий 20 залпов. До чего красивое зрелище эти разрывы!».

«Ложусь спать с радостным ощущением: новая победа на фронте. Под командованием маршала Жукова на Первом Украинском фронте прорвали линию обороны немцев шириной в 180 км, глубиной – 25-50 км. Занято много населённых пунктов».

В Третьяковской галерее знаменитые картины вывезены, была выставка работ Белорусских художников. Особенно запомнились: Рудковский «Пропажа карточек». В то время пропажа карточек – великое горе. Карточки выдавались на месяц, и если пропали в начале месяца – значит, голодать долго, это страшно.

Картина А. Пластова «Немец пролетел» известна многим (фото 16). Мирно пасётся стадо коров на холме, около рощи. Но убита одна корова и телёнок. А на земле лежит застреленный мальчик-пастух. Около него собачка подняла мордочку вверх – воет». Сейчас картина осталась в галерее, но называется «Фашист пролетел». До сих пор не могу вспоминать спокойно. Особенно мальчика и жалобу собачки.

И здесь же картины о мирном – П. Кончаловский «Сирень» (фото 17), Соколов «Солнечный день»...

Фото 16. Картина Аркадия Пластова «Немец пролетел»

Фото 17. Картина Петра Кончаловского «Сирень»

Несколько дней мы жили в Москве, я объездила все госпитали, но папы не нашла. Соня приглашала остаться, жить у неё.

В Москве очень понравилось метро. И удобно – надписи показывают дорогу. И красиво – художественные скульптуры можно рассматривать, любоваться ими. Чистота. Настоящий дворец.

Но всё-таки Стольный град нас не прельстил. Перед отъездом оставили все продукты – пшено, консервы, что-то ещё, (на дорогу нас щедро снабдили в части) – Соне. Уехали без сожаления.

В рыбхозе

Рыбхоз «Двуречье» в 25 км от Моршанска, Тамбовская область.

Добирались с приключениями, я об этом писала. По дороге нас встретил на лошадке Александр Георгиевич.

Рыбовод рыбхоза около станции Касторная, с первых дней на фронте. Ранен. После ранения опытный специалист назначен директором рыбхоза «Двуречье» Моршанского района Тамбовской области. Он и его жена Валентина Ивановна звали к себе.

Теплая была встреча! Валентина Ивановна и мама поплакали. Меньше двух лет назад погибли моя бабушка и Валины родные – мама – Агафья Михайловна, сестра Люба, Лина – жена брата, с маленькой дочкой.

В один из немецких налётов, все собрались за столом в бывшей нашей квартире на улице 27 февраля – в кирпичном доме. Над большим подвалом.

Бомба не разорвалась, но попала прямо на стол, провалилась в подвал, вместе с ними. Все погибли. Валя со своей дочкой и дочкой Любы, жили в рыбхозе под Касторной. Приехала хоронить, всё подготовила, но стало известно, что немцы рядом. Пришлось срочно уехать за детьми. Успела увезти детей, но Воронеж заняли враги... Всю жизнь казнила себя: не могла похоронить погибших...

Фото 18. Семья Юдиных. Слева направо:
*Александр Георгиевич, Валентина Ивановна,
Лера, Славик, Эля*

Первое время жили у Юдиных дома (фото 18), позже Александр Георгиевич, потеснил администрацию, выделил нам комнату в правлении. Мы ездили с ним в Моршанский военкомат, получили открепление от военной службы. Это было не очень сложно, – у меня и мамы годы непризывные, даже для мужчин. Мы получили паспорта. И я стала рабочая рыбхоза.

В рыбхозе разводили зеркальных карпов. Прежде, чем рыба поступит на продажу, её выращивают два года. В первый год получают мальков в специальных маленьких нерестовых прудах. Мальков по счёту летом пересаживают в пруды выростные, откуда осенью, тоже по счёту, пересаживают в пруды зимовальные, там она зимует. (По счёту, чтобы не было перенаселение, но и меньше нельзя – площадь должна быть использована). Рыбёшка зимует под наблюдением специалистов. Весной – пересадка в пруды нагульные. Здесь она растёт до конца лета, и тогда попадает на продажу.

Первые дни моей работы совпали с заготовкой льда. Лёд нужен для хранения выловленного карпа осенью. В мирные дни получали сухой лёд. Война, – средства на это не выделяли. Почти не было средств и на кормление карпа в нагульных прудах.

Лёд необходим и летом, при пересадке мальков в выростные пруды.

Заготовка льда из пруда – тяжёлое дело. Ноги в ледяной воде, даже через специальные брезентовые сапоги-бахилы поверх обычных сапог – мёрзнут. Женщины – рабочие – ворчали. А мне казалось, что это игрушки по сравнению с армейской жизнью. Глыбы льда складывали в специальный сарай, укрывали соломой.

Ранней весной «чистили» пруды от сорной рыбы. Не только щука, плотва, но и другие спутники карпа нежелательны, – они поедают то, что может съесть карп. Потому сетью выбирали сорную рыбу в нагульных прудах, Жители радовались – неучтённый доход. Вылов карпа планируется, рыбхоз отчитывается перед государством.

Пересадка мальков – ответственная, но приятная работа. Сидим на пригорке, около – большой эмалированный таз. Мальков вылавливают из пруда в ведро. Из ведра берём ситечком, осторожно, по счёту, перекладываем мальков в таз. Через сто-сто пятьдесят мальков, их относят в пруд. Здесь наблюдает сам Александр Георгиевич, и Валентина Ивановна. Она тоже специалист.

Пересадка поздней осенью подросших мальков (сеголеток) в пруд на зимовку малоприятное дело. – Здесь руками из холодной воды, тоже по счёту, перекладываем в брезентовые носилки, выпускаем в специальный пруд на зиму. А ранней весной считаем, также руками, когда переносим, в брезентовых носилках, в нагульный пруд. При пересадках очень зябли руки.

Я участвовала во всех работах. В промежутках возила навоз на пруды, выполняла другую работу... Осенью участвовала в «уборке урожая», – вылавливали карпа на продажу. Это был праздник!

Все, кто мог, приходили на пруд. Сетью всю рыбу не выловишь, после того, как спустят воду из пруда, оставалась густая жижа. В ней возились (не скажешь, что – плавали) карпы. А мы ходили в бахилах, собирали тех, кто в жиже.

Около пруда, наверху – гора рыбы. Её ещё не взвешивали, разрешалось варить, сколько хочешь, наедались до отвала!

С тех пор люблю варёного зеркального карпа.

В мае приехал из госпиталя папа. Руку не отняли, и, хотя она почти не действовала, даже поднять её было нельзя, но она осталась! (Забегая вперёд, скажу, – несмотря на сильную боль, он её разработал. Со временем стал писать, и, даже есть, ложку держать, в правой руке).

Когда пришла пора вылавливать карпа, стал работать – учётчиком выловленной рыбы.

О работе в рыбхозе, людях, подробно писала в воспоминаниях: «Прошлое всегда рядом». Там есть и о моей первой любви – Коле (фото 19). Ещё о нём – в книге «Семейная жизнь» [2]. Умный, красивый паренёк, на две недели моложе меня, но считался моложе на год. Я родилась 22 декабря 1926 года, он – 7 января 1927 года.

Сын директора, который сейчас был на фронте, хорошо знал работу рыбхоза, после окончания школы работал главным прудовым рабочим. Александр Георгиевич его очень ценил, часто советовался по рыбхозовским делам.

Мы с ним катались на лодке по пруду, гуляли. Перед расставанием целовались – по-братски, едва прикасаясь губами. Один раз ходили в соседнее село на комсомольское собрание.

**Фото 19. Коля –
моя первая любовь**

С ним было интересно. Он много читал хорошей литературы, классиков. Несмотря на то, что вырос в глубинке, стал настоящим интеллигентом.

Учёба в техникуме

Подходила осень, папа работал, мне дали возможность учиться. В Моршанске был только текстильный техникум. И хотя я мечтала о сельскохозяйственном, решили пока поступать туда.

Летом я написала письмо в школу Воронежа – документов не было, просила помочь. К счастью, директор школы А. Зелько был учителем зоологии, когда я училась. Помнил меня и прислал справку об окончании семи классов. По этой справке меня, как фронтовичку, зачислили без экзаменов, чуть ли не в последний день. В общежитии места не было, сняли квартиру.

Занятия начались в октябре. Первые недели работали: дёргали свёклу, рубили капусту. С трудом привыкала к новой жизни, – скучала по дому. Но велась жизнь активную, стала ходить в хор, на комсомольские собрания. В дневнике записано: «Меня назначили членом комитета комсомольской организации».

Папа тем временем искал возможности переезда туда, где есть сельскохозяйственный техникум. Нашёл знакомого, и ему прислали приглашение из станицы Славянской Краснодарского края на консервный плодоовощной завод. Дали подъёмные деньги для переезда. В станице есть сельскохозяйственный техникум. Мы стали собираться на Кубань. Колю в октябре призвали в армию.

В рыбхоз ездила часто, почти каждую неделю. Приезжала на свой день рождения. «Были подружки, т. Валя, Александр Георгиевич. Были песни, танцы, весело было. Получила подарки: косынку, чулки, носки, платочек».

«1.1.45. ... Часов с 12 дня собрались дети со всего рыбхоза у нас на квартире, около ёлки. Я оделась дедом Морозом, встретила гостей... Весёлые мордашки рассматривали ёлочные украшения». Дальше я пишу: «Можно ли было любоваться, это другое дело».

Игрушки делали сами, из ваты, клея, – лебедей, разных зверюшек. Из яичной скорлупы – клоунов. Осторожно разбивали яйцо. Приклеивали колпак, с другой стороны – жабо. Рисовали рот до ушей, глаза, нос – получался клоун.

На этой ёлке висели даже конфеты. Их варили из сахарной свёклы. Здесь была хитрость – сваренная свёкла невкусная. Сначала её ставили в печь томиться. Когда станет мягкой, почти чёрной, прокручивали через мясорубку, отжимали. Сок на слабом огне выпаривали, подливали молоко, ещё варили до густой сметаны. Выливали в миску, остужали и резали на квадратики. По вкусу, тогда, по крайней мере, они почти не отличались от ирисок, особенно, когда завернуты в раскрашенные бумажки. Дети были очень довольны.

Прощание

Перед отъездом на Кубань последняя запись в рыбхозе 10 марта 1945 года. Приведу её полностью.

«За несколько дней до отъезда меня позвала к себе Колина мама. Усадила за стол, стала печь блины, класть мне на тарелку. К блинам масло, сметана. «Ешь, – говорила она, – Вспоминай Колю».

Так до сих пор и не знаю, прощальные ли были те блины, или, чтобы не забывала? И тогда думала – скорее прощальные. Я ведь не была завидной невестой. Скорее, наоборот, – худенькая, ещё без образования, а главное – фактически нищая, ни кола, ни двора. Буквально – ни ложки, ни ложки. Много лет мы берегли единственную мелкую тарелку, купленную тогда в Моршанске. Долго ещё тарелками служили миски. Годы послевоенные тоже материальным благополучием не баловали. Много лет ходила в пальтишке, перешитом из шинели, в папиной гимнастёрке – она шерстяная

К тому же в те годы пребывание девушки на фронте – почти позорное клеймо. Это много позже стали относиться иначе. А тогда, хоть официально и чествовали, но в среде народной относились весьма подозрительно. Нравы были строгие. Надо сказать, меня это сильно не задевало, я не считала себя нищей, униженной. Многие всё потеряли во время войны, зато стали заметнее ценности духовные. Но на поведении моём отчасти сказалось – долгое время держала себя суше, строже, чем хотелось бы, чем по натуре.

На Кубани

Приехали мы в станицу Славянскую Краснодарского края ранней весной 1945 года. Папа стал работать экономистом-плановиком на консервном плодово-овощном заводе, меня зачислили переводом на первый курс сельскохозяйственного техникума, плодово-овощное отделение. Выделили квартиру. Напротив главной проходной завода – саманный домик – комната, кухня, чуланчик.

Почти вся станица из частных домов. В центре несколько кирпичных одно- и двухэтажных зданий. Украшение станицы – двухэтажное красивое здание на берегу Протоки – сельскохозяйственный техникум. Прошло два года после освобождения, но большинство окон ещё заложены кирпичами (фото 20).

Фото 20. Сельскохозяйственный техникум

Внутри – не хватало мебели. Один стул – для преподавателя, даже столов недостаточно, в первый год помогали спины товарищей.

Здания станицы во время войны не пострадали. Но рельсы железной дороги немцы увезли. От станции Протока осталась насыпь. За насыпью – поросшая бурьяном степь.

Станица на берегу Протоки – бурной реки, мутной от желтоватого кубанского чернозёма. Станица протянулась лентой, начинаясь у бывшей железнодорожной станции. На другом конце станицы плодовый сад, известный далеко за пределами страны. «Сад-Гигант» занимал площадь до четырёх тысяч гектаров. Во время войны большая часть сада погибла.

В техникуме учились местные жители и приезжие из соседних станиц. Для них рядом – общежитие. Был и свой клуб, библиотека.

Мне всё очень понравилось. И подружки, весной сорок пятого года учились только девушки, осенью пришли демобилизованные фронтовики. И преподаватели, некоторые, как и мы, приехали на Кубань в поисках лучшей жизни.

Закончила техникум в 1947 году с правом поступать в Вуз без экзаменов. Годы учёбы незабываемы, трудные, но счастливые годы.

Здесь, в станице Славянской, встретила окончание войны. Приведу запись из дневника, по свежим впечатлениям.

Война окончилась! Победа!!!

«...Окончания войны все уже ждали. Не так, как в начале, или в середине войны – как чудо, как мечту, а – как закономерный результат. И всё же...

Перед рассветом, точнее, в самом его начале, 9 мая, сквозь сон слышу радостные крики: «Победа! Война кончилась!». Кто-то бежал по станице, разнося по домам радостную весть. Постучали в окно: «Победа! Война кончилась!» и побежали дальше.

Может показаться странным: все мы проснулись, но лежали молча. Каждый по-своему, вновь переживая военные годы, вспоминая дом, родных, близких. Не хотелось говорить, двигаться...

Позже, часам, наверное, к восьми-деяти, пошла в техникум. Собрались на площади, где был митинг. Все радостные, счастливые. Конечно, это была радость «со слезами на глазах», и с болью в сердце – потери близких невозполнимы. Но всё равно, сейчас это была радость. Это была Победа и тех, кто погиб, их достижение.

Целый день мы толпами ходили, обнимались с незнакомыми, пели, плясали. К вечеру, голодная, пришла домой. Но так и осталась голодной, – есть было нечего.

Славянская запомнилась многим хорошим, но большое место в воспоминаниях оставил голод. За всю войну и послевоенное время, именно на Кубани достались первые испытания от голода и холода.

Только их легче было переносить, ведь главное, самое главное, произошло: «Война закончилась! Победа!».

Великая Отечественная – всегда в моей памяти

Как быстро прошла жизнь! Перечитывая дневник, наткнулась на запись 26 декабря 1944 года: «Мне хочется найти, я всё ищу себе идеала, как я буду устраивать свой характер, свои суждения». Считала – жизнь только начинается. И я – всё могу!

Наивно, почти (почему – «почти»?) до глупости. Кажется, это было совсем недавно, ощущение хорошо помню. Перебирая в памяти прошлое, понимаю, – на характер, отношение к жизни, людям, большое, если не главное, влияние оказала война. Особенно те почти два года, что была в армии, на фронте. Эталон для последующих лет.

Незабываемое время... Вспоминаю подруг, наше дежурство на посту. И – дороги... Дороги прифронтовой полосы...

Сколько прошло по ним людей, машин... Сколько перевезено боеприпасов, снаряжения, продуктов! Сколько бессонных за рулём шоферских ночей, а в дни наступления – суток!

На наших глазах в сорок третьем дороге становились всё полнокровнее. Если весной по дорогам шли в основном, одиночные машины, то с осени двигались колонны. В колоннах мы проверяли документы у головной машины, и водители следующих, приветствуя нас, «подмигивали» фарами, почти не опасаясь звёздного неба.

На фронт, и с фронта. С фронта везли раненых, шли усталые бойцы при реформировании частей. И опять машины, за новыми запасами для боёв... Сколько нужно было усилий, чтобы прифронтовые дороги – «артерии войны», работали без «тромбов» – пробок. Сколько нужно было сил, чтобы изрытые, искромсанные, шоссейные дороги, грейдеры, просёлки – выровнять, отполировать, да что там! Просто сделать проезжими для машин!

Помню через день после боя на севере Курской дуги, голубое, с кучевыми облаками, небо, спелый хлеб, поваленный снарядами, как ураганом, ещё дымящиеся танки на поле. И дорогу, по которой нельзя было проехать, так она была изрыта снарядами...

С тяжёлыми боями фронт продвигался вперёд. И следом за фронтом шли строители, ремонтировали дороги, мосты... Занимались повседневным трудом люди не героической профессии, профессии, которая мирно звучала и в военное время. Но без ежедневного трудового подвига этих людей были бы невозможны подвиги боевые, была бы невозможна Победа...

Одиннадцать стран освободили от фашизма. Потому так радостно встречали наших бойцов в странах Европы...

С тех пор много воды утекло. Давно нет Насти, я говорила – погибла на посту... В сорок третьем убит сержант Царьков, учивший нас азам военной науки. Убит Ванечка Горелов, почти мальчик, с румянцем во всю щёку. Велики фронтовые потери...

И уже после войны, много лет назад, похоронили мы нашего комбата Иосифа Яковлевича Семёнова, начальника штаба Григория Данилкова, ему не было и пятидесяти. Мой папа после тяжёлого ранения выжил, но умер в пять-

десять шестом, Маруся Пирожкова умерла в шестьдесят первом. Нет Нины Миндровой. Кто пересчитал людей, которым война резко сократила жизнь?

Давно умер Константин Юрьев, его жена Надежда Ивановна – совсем недавно. В декабре 2009 не стало Андрея Васнецова.

Начался 2013 год. Из моих однополчан осталась я одна... Была самой молодой, но и мне уже 86... (фото 21).

Почти не осталось фронтовиков и свидетелей того времени. За последние двадцать с лишним лет выросли желающие разобрать страну на кусочки. Правильнее сказать, не выросли – ожили. Такие любители известны с давних пор. Они пытаются воспитать молодёжь, к сожалению, не безуспешно.

Меняют ценности жизни. Во главу поставлено материальное, не благополучие даже, – излишество. Жизнь ради этого... Вернулись давние слова поэта: «А вы на Земле проживёте, как черви слепые живут. Ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют».

Потому о советском времени, и о Великой Отечественной войне, сейчас так много откровенной лжи. Глупцы верят сказкам о равенстве советского времени и фашизма. Даже в школьных учебниках нет правды.

Потому согласилась повторить то, что впервые сказала о военном времени давно, через 25 лет после Победы.

На этом можно было бы воспоминания закончить. Во время войны в Германии не побывала. Жизнь так сложилась – окончилась моя военная служба в Белоруссии, в районе Речицы.

Но пути наши неисповедимы – много позже больше двадцати лет вела совместную научную работу с коллегами ГДР, побывала там шесть раз (с 1975 по 1992 годы). За это время тоже много воды утекло, большие изменения прошли и у нас, и в Германии. И ярче проявились различия фашизма и советского общества...

Нельзя забыть зверства, разгром, учиняемый врагами в нашей стране. Осквернённую могилу Льва Толстого, янтарную комнату..., всё не перечислить... Ценности увозили в Германию. Даже землю. Эшелоны с богатством нашей земли – чернозёмом, спешили на бедную немецкую почву.

Иначе было, когда наши войска пришли в Германию. Мы воевали с фашизмом, не с мирным населением.

Профессор С.Н. Титов вспоминает, как сразу после окончания боёв зарабатывали наши коменданты, решая неотложные вопросы организации мирной жизни в Берлине.

Фото 21. Была самой молодой, но и мне уже 86...

Среди тех, кто работал в районной немецкой комендатуре, был профессор, в то время – старшина Владимир Фёдорович Сыноров. Он хорошо знал немецкий язык и стал адъютантом-переводчиком коменданта Берлинского района Вайсензее. Вспоминает: «Ещё шли бои в Берлине, когда нашей комендатуре (и мне, в частности) пришлось заняться водоснабжением. Поводом послужила встреча у ручной колонки: огромная очередь, вооружившись кастрюлями, вёдрами и прочим, терпеливо стояла перед тонкой струйкой воды.

– Что можно сделать для подачи воды в район? – Спросил комендант.

Вместе с немецкими товарищами пришлось поехать, походить, поползать, под обстрелами. Ведь вокруг шли бои. Спускались в водопроводные люки, расположенные подчас прямо в районе наших артиллерийских позиций.

Командиры частей удивлялись, – какая вода, когда идут бои и люди гибнут?

А через двое суток, я, усталый и грязный, явился к коменданту и доложил, что его приказ выполнен – район Вайсензее получил воду. Это была первая победа на мирном фронте. Это был первый пример работы с немецкими товарищами».

Всемирно известную картинную галерею в Дрездене, основанную с 1560 года, германское правительство в 1942 году вывезло и спрятало в 45 различных местах. Сначала в Саксонии, потом перепрятало в штольнях, на рудниках.

После вступления Красной армии в Дрезден, руководство создало из офицеров, солдат, музейных работников, художников, специальную «спасательную комиссию». Чтобы найти и сохранить художественную коллекцию. (Сравнить – при «введении демократии» американцами в Ираке никто об этом не заботился. Погибли безвозвратно многие исторические ценности).

Большинство картин удалось найти, временно поместить в музеях Москвы, Ленинграда, Киева. Картины сильно пострадали. На их реставрацию потрачено много сил и средств.

После реставрации картины показали в нашей стране, и передали Германии после возрождения замка.

Знаменитые музейные здания – Цвингер, Дрезденский дворец, и другие – весь архитектурный комплекс, в феврале и апреле 1945 года уничтожили англо-американцы. Погибло почти 50 тысяч жителей. Разрушена площадь в центре в 15 тысяч квадратных километров.

В благодарность за спасение Дрезденской галереи майор Наталия Соколова, майор Перевошиков и в те года капитан Чураков были награждены орденом ГДР «За заслуги перед отечеством» и избраны почётными гражданами Дрездена. Профессор Чураков стал главным реставратором Московского государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, а Н. Соколова – членом Академии искусств СССР.

В ночь на 9 мая 1945 года в Берлине представители командования Германии подписали акт о безоговорочной капитуляции. В советской зоне оккупации начались преобразования. В октябре 1949 года образована Германская Демократическая Республика. Советский Союз сразу же передал все административные функции правительству ГДР.

В июне 1964 года СССР и ГДР заключили Договор о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве. На основе Договора заключён такой же договор между ВГУ и старейшим университетом Германии – университетом Мартина Лютера Галле Виттенберг.

Появились совместные научные исследования на факультетах РГФ, историческом, химическом, и биолого-почвенном.

В частности, между кафедрами корневого питания растений (профессор Г. Шиллинг), и кафедрами химического факультета (профессор Б.И. Михантьев) и физиологии и биохимии растений (доцент Г.С. Эрдели) такое содружество продолжалось с 1976 по 1992 годы.

По результатам исследований вышли много совместных статей, монография «Изобутираты – новый класс ретардантов» [10].

Подробности исследований и пребывания в Германии можно прочитать в монографии [11].

Благодарность за освобождение от фашизма я слышала не раз за время посещения ГДР. От самых разных людей, разного возраста – и молодых, и пожилых. Молодые говорили, как им у нас нравится демократическое взаимоотношение преподавателей и студентов. Никогда не слышала недобрых слов о поведении победителей в Германии. Оболгать наших воинов стараются и здесь.

Широко праздновали сорокалетие Победы. Получили поздравление от немецких коллег:

«Дорогие коллеги кафедры физиологии и биохимии растений!

Через несколько дней будет отмечаться у нас день Освобождения, а у Вас день Победы в 40-й раз. Это событие имеет большое значение для всех людей нашей земли, потому, что нам всем угрожает ещё большая, страшная война, которая может уничтожить жизнь вообще.

Мы считаем необходимым в эти дни почтить память всех, кто стал жертвой варварского нацистского господства.

Мы знаем, что народы СССР вынуждены были понести самые большие жертвы, чтобы, в конце концов, освободить и немецкий народ от ига фашистского режима.

Минуло 40 лет мирного антифашистского и социалистического развития. Братское содружество с Советским союзом во всех областях общественной жизни помогло нам построить новое социалистическое немецкое государство. Это надёжное содружество было также плодотворным и в научных исследованиях. Мы должны приложить все усилия, чтобы углубить нашу совместную работу на пользу наших народов и для укрепления социализма.

Мы все поддерживаем мораторий Вашего правительства во время переговоров в Женеве по нераспространению ракет среднего радиуса действия. Мы вместе с Вами надеемся на хорошие результаты переговоров в Женеве.

Мы поздравляем всех советских людей и Вас в особенности, дорогие коллеги, и желаем дальнейших больших успехов в научной работе.

Дружба!»

Дни Победы в нашем университете с воспоминаниями участников войны, проводили в 1976-1990 годы (фото 22). Вели такие вечера профессор С.Н. Титов и я. Подготавливали профессор Л.Е. Кройчик, Т.П. Мироненко и С.Н. Янц. Несколько человек, участников войны, вспоминали своё прошлое... Сергей Николаевич вспоминал, как относились к немецким детям, помогали. Вспоминали многое....

Фото 22. Так отмечали День Победы в 1976-1990 годы

Забывать годы войны нельзя —
Сергей Николаевич читал стихи:

Далеко ли близко ли
По лесам и пашням
Всюду обелисками
Встала юность наша.
С именами, датами,
Личными и братскими
Встала над солдатами
Звёздами солдатскими.
То сама история,
Нет которой привольней,
Нет которой больней,
Тяжелее и праведней.

Девяностые годы разрушили нашу страну. Проведённый референдум в Советском союзе показал, что 85 % населения республик хотят жить вместе. Те, кто стремился к власти, сделали по-своему. Ельцин, Шушкевич, Кучма...

Ветераны оказались бессильны. Наступили трагические дни. — Развалили СССР, расхватили богатства страны.

Печальное десятилетие унесло жизни почти десяти миллионов человек. Без крови, но погибло больше, чем в войну гражданскую, и в десять раз больше, чем — в 1923-1953 годы, — от нищеты, недоедания, самоубийств. Так по-

гибла Юлия Друнина. Выжившая в рукопашном бою, не выдержала разрушения великой державы. И не она одна, многие...

Появились миллионы бездомных детей.

Старики ходили по помойкам, выбирали скудные остатки пищи. Месяцами не платили пенсий, заработной платы. Появилось новое слово, и действие – бартер. Пример: на заводе, где вырабатывали чулки, стали платить чулками. Продавайте сами, ищите покупателей...

Не просто перенесли изменения и наши немецкие друзья. Не обрадовало даже объединение страны. У моего знакомого незадолго до объединения умер отец. В ответ на соболезнование, писал, что, может, это для него было и лучше – «Кто знает, от какого страдания он был избавлен. Мы об этом можем только догадываться...».

Приведу отрывки из писем.

4 июня 1992 года «...с 1 октября повышаются суммы арендной квартирной платы (для нас около 500 %). За энергию мы уже платим почти в 7 раз больше, чем год назад, и от 25 до 50 % больше, чем у западных немцев.... Мы следим за развитием событий в СССР и ошеломлены тем, что там происходит. Иногда мы думаем, что Ваша ситуация – результат сознательного хозяйственного саботажа, время мощной борьбы, и что руководство страны от «мафии». Что это такое? Ну, у нас тоже хозяйственная борьба. А политическая подоплёка другая: западная империя старается разрушить ещё работающие ветви хозяйства ГДР, которые, если рационально руководить ими, очень опасная и неудобная конкуренция (например, в сельском хозяйстве).

И это тоже политика – показать, что в ГДР были невозможны настоящие достижения, которые надо использовать в объединённой Германии, например, школьная, медицинская система... Ну, нам надо знать, что мы живём в исторической эпохе (Вы и мы) и что сейчас происходят глубокие перемены...».

5 июля 1992 года. «...Я пока ещё работаю и надеюсь её не потерять. До конца 1992 гола это надёжно. Что будет дальше, не знаю. Эта политика «игры» идёт уже с 1990 года. Очень действует на нервы. Эта политика отношения к работе восточных немцев ранит и очень раздражает! Мой шеф получил недавно отказ (он директор клиники), хотя он специалист высокой компетенции и таких специалистов очень мало... Так сегодня появляется впечатление, что нас умышленно считают «немцы второго класса». Но мы имеем не только эти заботы. А как в Вашей стране?

У нас изобилие еды, и мы можем вознаградить себя тем, что иногда позволяем жизненные стандарты старой ГДР и делаем исключения, которые нам сейчас практически недоступны:

1. Мы не ходим в кино (с 1990 года). Дорого и нет хороших фильмов.
2. Мы редко ходим в театр и на концерты – дорого.
3. Мы не ходим в ресторан обедать, как раньше, – дорого.
4. Мы ещё пользуемся авто, велосипедом и ходим пешком. Средство сообщения очень дорого и связь частично хуже, чем во время ГДР (особенно на близкие расстояния)...

... Пишите... С сердечным приветом Ваши...»

Как получилось, что Россия из великой державы превратилась в страну *развивающуюся*? Нет достижений, которыми можем гордиться. Осталось единственное – память о Великой Отечественной войне, великой Победе. Память, которую стараются извратить, оболгать... Этого нельзя допустить.

Ельцин не благоволил к нашим победам. Хорошо, что с 2000 года внимание возродилось. Ветераны войны и тыла получают поздравления, подарки. В день Победы проходят парады, а в Москве парад-шествие и 7 ноября, в честь парада 1941 года.

О том, как отмечается День Победы в нашем университете, можно узнать из нашей с Т.Б. Силкиной публикации в интернете «Ещё о войне. Эстафета памяти».

Так отмечается День Победы в ВГУ с 2000 г. по настоящее время (фото 23-28).

Фото 23. Празднование 60-летия со Дня Победы, 2005 г.

Фото 24. Празднование Дня Победы. 2006-2012 гг.

Фото 25. Нас остается всё меньше... Ветераны войны и тыла ВГУ, 2007 год

Слева направо: Эрдели Г.С. с внучкой Галиной, Агунова М.С., Бучко Л.И.

Слева направо: Эрдели Г.С., Богачева И.Е., Бороздина П.А.

Фото 26. Каждый новый День Победы – новая победа для ветерана. 2010 год

Фото 27. День Победы, ВГУ 2012 гг.

Фото 28. Ветераны войны и тыла ВГУ вместе с членами клуба «Память», 2011 год

Фото 29. Ветераны войны и тыла ВГУ, 2012 год

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ ЖДЁТ...

Когда становится особенно тяжело, невоготу, – вспоминаю траву, пробивающую асфальт, пни, от корней которых идут ростки, и ещё – русские печи в сожжённых фашистами сёлах. Ту женщину, ухватом достающую из печи в чистом поле чугунок с пустой похлёбкой, и голодные глаза детишек, прижавшихся рядом. Впереди, совсем близко, – зима, а – ни крыши над головой, ни куска хлеба... Ужас пережитого, горечь потерь, и всё-таки, несмотря ни на что – страстное желание и радость жизни!

Вспоминаю прошлое... Было трудно – война. Восстановление разрушенного... Но наша жизнь была наполнена высоким смыслом.

Отсюда, из памяти о наших победах в Великой Отечественной войне, я верю, – начнётся возрождение России. Нам было трудно, но мы выстояли и победили! У вас другие трудности нужны новые герои, новые победы.

Молодёжь! Страна, Эстафета Памяти ждёт...

ЛИТЕРАТУРА

1. Эрдели Г.С., Силкина Т.Б. Ещё о войне. Эстафета памяти. – Воронеж: электронная версия, 2011. – 71 с.
2. Эрдели Г.С. Прошлое остаётся с нами... Воспоминания. Дневники. Книга в 4-х частях. – Воронеж: электронная версия, 2011. Ч. I. Детство. – 69 с; Ч. II. Военная юность. – 53 с; Ч. III. Семейная жизнь. – 59 с; Ч. IV. По моей стране. – 53 с.
3. Эрдели Г.С. Прошлое всегда рядом. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2003. – 152 с.
4. Голиков Ф.И. В боях за Воронеж. Воронежское сражение. – Воронеж, 1968.
5. Романовский Н.В. По фронтовым дорогам. – Воронеж, 1958. – 103 с.
6. Романовский Н.В. По фронтовым дорогам. Записки армейского журналиста. – Воронеж: Воронежское Книжное издательство, 1958. – 206 с.
7. Кардашёв В.И. Рокоссовский. – М.: Молодая гвардия, 1972.
8. Антипенко Н.А. На главном направлении. – М.: Наука, 1967. – 347 с.
9. Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. – М.: Юрид. лит., 1985. – 400 с.
10. Эрдели Г.С., Хожайнова Г.Н., Шиллинг Г. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992.
11. Эрдели Г.С. Люди и растения в моей жизни. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – 240 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮБОВЬ В НАСЛЕДСТВО Э. Ефремов	4
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ Т. Силкина	6
МОЯ ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ	8
«Вы слышите – война!!!»	9
Эвакуация	14
Дорожно-эксплуатационный батальон	16
Служба в армии	19
Я – комсомолка	21
Пополнение	21
Наш КПП	24
Мои подруги	26
В Воронеже	26
Следы войны	27
Мне грозил штрафбат	28
Звание ефрейтора	29
Село Яковлево	31
Наши медали	32
Был и такой случай	34
Наш путь	35
Праздник	36
О любви	37
Расстрел дезертира	41
Страшное время – война	41
В Ильмовке	42
Промахнулся?	43
Новый гимн	43
Дополнительные посты	44
Русские печи	45
В болотах Белоруссии	45
«Меткий» выстрел	46
Трагический день	47
Окончание военной службы	48
Москва весны 1944 года	49
В рыбхозе	51
Учёба в техникуме	54
Прощание	54
На Кубани	55
«Война окончилась! Победа!!!»	56
Великая Отечественная – всегда в моей памяти	57
ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ – ЖДЁТ...	67
Литература	68